

СТОЛЕТИЕ
ПАРИЖСКОЙ
КОММУНЫ

№ 5 МАРТ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВДА МОСКВА

смена

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

Московский комсомол
на трудовой вахте, посвященной
XXIV съезду партии

СЛОВО СТАНОВИТСЯ

Все наши успехи —

результат самоотверженного труда

рабочего класса,

колхозного крестьянства,

народной интеллигенции,

трудящихся

всех союзных республик.

В достижении этих успехов

с новой силой проявилась

руководящая и направляющая роль

Коммунистической партии

Советского Союза,

ее последовательная

ленинская политика.

Молодость счастлива тем, что у нее есть будущее. Мы все принимаем эту крылатую фразу, забывая иногда, что в нее только половина истины. Молодость счастлива и тем, что у нее есть настоящее. Именно настоящее, сегодняшнее, требует от молодежи всех знаний, энергии, всил комсомольские годы в жизни каждого человека — это время энергичного действия, время, когда человек не только замахивается на будущее, но и вживается в ответственность за него.

Если сейчас скинуть Москву, заглянуть под крышу здания предпринятия, учреждения, прийти на заседание комитета города комсомольского комитета, — везде мы бы увидели и услышали одно: все говорят о комсомольцах, молодых рабочих, специалистах идут вокруг предстоящего XXIV съезда КПСС, вокруг трудового соревнования молодежи в его честь.

За два с половиной дня — вместо трех по норме — монтируют этаж жилого дома комсомольцы и молодежь бригады Владимира Денисова из Тереховского района Московской области. Этому успеху молодые строители посвящают съезд партии. С порога съезда трудового соревнования комсомольско-молодежные бригады локомотиворемонтного завода. В честь съезда партии они взяли на себя очень высокие обязательства: за счет механизации ручных операций, рационализации размещения аппаратуры и других мер повысить производительность труда на 45 процентов. Эта цифра очень весома, и в то же время вполне реальная: обязательства комсомольцев трезво продуманы, точно рассчитаны и обеспечены энтузиазмом и смеккой.

Мы, конечно, можем называть бесконечно, так как почти каждый молодой труженик Москвы включился в движение «Каждый день — до съезда, каждый день — работы в съезде»: день ударной работы и отличной учебы, а одних только комсомольцев в Москве без малого миллион, из него треть — молодые рабочие.

Почему оказалось возможным такое массовое соревнование, дающее не дутые, не «бумажные», а реальные успехи? Думается, что это накал обусловлен тем оживлением комсомольской работы, которое внес в нашу деятельность «Ленинский зачет». Это отличная организаторская находка, которая позволила сконцентрировать усилия комсомольской организации во всех сферах ее деятельности: в трудовом, гражданском, краеведческом воспитании.

Массовость предсъездового соревнования — отражение, а точнее сказать, результат того, что в юбилейном году к участию в «Ленинском зачете» привлекли все наши комсомолцы. До того нам были известны многие формы комсомольской работы, которые явились как бы «проборазрывом» «зачета». Известен был, например, опыт комсомольцев ЭИЗа: они практиковали самоотчеты внутри первичной организации. Но вот в чем их изумительность: с самого начала «зачета» велась работа над тем, чтобы эти самоотчеты были краткотврьторечия, вовлечь в активную, заинтересованную работу статью «зачета». Тут нам на помощь и пришел «Ленинский зачет», успех и высокий наивысший кото-рого был обусловлен общим атмосферой юбилейного года. Популярность «зачета» была такова, что некоторые юноши и девушки, не получившие звания «Активных участников «Ленинского зачета», приходили с жалобами в комитеты комсомола и рабкомов: быть в стороне от этого дела оказалось ошибкой, невозможностью. Интересно, что в «зачете» захотели участвовать многочисленные некомсомольцы.

Таким образом, «зачет» — не герты высоты, не считать темпов работы. И мы уверены, что это не промах, так как «зачет» обладает еще одним важным свойством: его идея основана на обязательном соединении теоретических знаний с практикой. Голос краснобаиста, общие знания — все это проходит теперь. Каждому участнику «Ленинского зачета» задают вопрос: а что ты улучшил, усовершенствовал на своем предприятии конкретно? А если еще комсомольские активисты, которые, испугавшись ее трудности, боялись вступать в «зачет», то они говорят: «Нет, мы вступаем!». На это мы отвечаем им эпитетическими словами М. И. Калинина, как будто специально для такого случая сказанными: «Не стоят беспокояться, что работы не хватит, а надо дать возможность проявления инициативы, неминуя раскинуть умы, и вы сами увидите, что людей мало для того, чтобы переделать всю работу». Все дело в том, за какую взяться работу и как ее распределить. Недавно мы провели проверку на некоторых предприятиях. Оказалось, что тип общественного работника, тянущего вовсю всеми изгружен, жив и порынен! До двадцати поручений имеют некоторые комсомольцы. Как справляются с такими задачами? Боятся заботами, широкими интересами? Оказывается, есть удивительные люди, которые ухитряются это совмещать. Но какой ценой! К чему же чрезмерно нагружать одних, в то время как ходят без дела другие! «Ленинский зачет» предъявляет строгий счет и к бывалому комсомольцу и к не-

Из проекта Директивы XXIV съезда КПСС
по пятилетнему плану
развития народного хозяйства СССР
на 1971—1975 годы.

Сергей КУПРЕЕВ,
член Бюро ЦК ВЛКСМ,
первый секретарь
Московского городского
комитета ВЛКСМ

ЛЕДОМ

давно принятому. Но часто именно во время отчета нового члена организации обнаруживается, что он остался без поручения. О новеньких нередко забывают комитет комсомола и, что совсем недопустимо, те, кто рекомендовал их в комсомол.

Однако то, о чем сейчас сказано, скорее досадный исключением. Большинство комсомольцев четко знают свои задачи и роли в общем деле. Очень интересный опыт в этом смысле накоплен на заводе «Динамо». Еще в октябре 1969 года мы все радовались успеху: у нас, как и в то время, они выпустили первую партию тяжелого росту производительности труда. Но эта слава не только упорная, но кропотливая работа. Каждый работающий на заводе имел личный пятилетний план роста производительности труда. Планы эти были составлены специалистами завода в тесном сотрудничестве с комсомольцами. Около шестисот динамовцев выполнили личную пятилетку досрочно, и на заводе все знают имена передовиков. Это имеет огромное мобилизующее значение, когда каждый труженик видит (и когда другие со стороны это видят) свою роль в выполнении плана, во внедрении новой техники, в работе передовых групп.

У нас формировалось всеобщее всесоюзное образование, а с 1970 года все стала переноса на всеобщее среднее. Интеллектуальный уровень инженера, рабочего достаточно высок. Он превышает порог то, чего требует от него производство, и это нередко порождает недовольственность работой. И здесь, очевидно, комсомольские организации должны создать атмосферу, в которой энергия неиспользованных знаний нашла бы выход во всесоюзном творчестве, как это делается, например, на заводе «Чайка» в Наро-Фоминске. Техническое творчество ЦК ВЛКСМ. Об этой работе молодых энтузиастов много пишется, но здесь хочется назвать самые последние циклы, характеризующие движение ТТМ. Отряды ТТМ ЗИЛа сегодня состоят из трех тысяч человек, успешно работают 83 комплексных бригады молодых рационализаторов и изобретателей. Для тех, кто делает в техническом творчестве первые шаги, открыты 18 школ. А вот, наверное, главная цифра: экономия от внедрения предложений комсомольцев перевалила за 1 миллион 200 тысяч рублей.

На конец прошлого года, отмечая 50-летие речи В. И. Ленина на III съезде комсомола, мы провели «Ленинский урок». Он прошел дружно, масштабно, но сейчас мы видим, что в некоторых организациях разговор оставил несколько общими. Поэтому, готовясь к съезду партии следующий «Ленинский урок», мы решим добиться конкретного, делового разговора и дали новому этапу двусмысла «Учишься хозяйствовать».

Урок был задуман так: каждый комсомолец должен отчитаться на нем по тем вопросам — как он изучил определенные практические работы по экономике, как он применял на практике «уборку» на своем рабочем месте и какой трудовой подвиг готовит предстоящему съезду партии. Понимая, что самую актуальную идею может получить плохая организаторская работа, мы приняли меры, широко разыскивающие цели и задачи урока «Учишься хозяйствовать». Каждый комсомолец выбрал себе практическое задание, о выполнении которого и отчитывается на собрании. В комсомольских организациях города работали больше 25 тысяч консультантов, готовых ответить на любые вопросы по ленинским работам, поставить задачу и оформить рабочее предложение, прокомментировать вопросы экономики.

Наша задача — это то, что «Учишься хозяйствовать» вызывает оживление не только в сфере идеологических работ, но и серьезно продвинут вперед экономическое всебоюзное, будет стимулировать техническое творчество.

«Планируем» и такое следствие урока: он повысит роль первичных комсомольских организаций, и особенно групп. Некоторые формы комсомольской работы имют тот недостаток, что рассчитаны на некий усредненный тип члена ВЛКСМ, на человека «без лица», без особых привет и привязанностей. Нам кажется, что «Ленинский урок» под девизом «Учишься хозяйствовать» предусматривает дело для комсомольцев с любыми интересами и образованием.

Итак, возрастает роль комсомольской группы. Следствие этого всегда — сплющенность авторитета. Авторитет — нечто трудновыразимое, но можно засвидетельствовать растущей притягательной силы комсомола: юбилейный год в ряды комсомольцев Москвы влился в 14 тысяч юношей и девушек больше, чем в 1969-м.

Это — признак здоровой организации — растет и она сама. Норост этого не только идеологический. Создание растущей силы и влияния комсомола привлекает новые силы каждому члену нашего союза, подсказывает дела, требующие все больших знаний, мужества, дерзости. Происходят качественные изменения в комсомоле. Он взрослеет — не возрастом, а готовностью к серьезной работе, готовностью подставить свое плечо под любое трудное дело, как нас учит тому своим примером Коммунистическая партия Советского Союза. Ее пример — высокий ориентир для комсомола. И мы всегда готовы доказать, что молодость не только возраст мечтаний, но и ответственных решений и энергичных действий.

Пролетариев всех стран, содружества!
СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в 1924 году
Выходит два раза в месяц

№ 5 (1051)
МАРТ
1971

ОБЛОЖКА РАБОТЫ
ХУДОЖНИКА
АЛЕКСАНДРА
МЕНЗИКОВА

2
С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ
ТВОРЧЕСТВО.
РЕПОРТАЖ
С ОДЕССКОГО ЗАВОДА
СВЕРХТОЧНЫХ СТАНКОВ.

12
СТОЛЕТИЕ ПОДВИГА
ПАРИЖСКИХ
КОММУНАРОВ,
«ШТУРМОВАВШИХ НЕБО».

20
ДЕВОЧКА И ТРЕНЕР.
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛУЧШУЮ
СПОРТСМЕНКУ МИРА
1970 ГОДА
ЛЮДМИЛУ ТУРИЦЕВУ.

24
СИЛУЭТЫ:
НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА
ПОСВЯЩАЕТСЯ ХХIV СЪЕЗДУ КПСС,
КОММУНИСТАМ — ГЕРОЯМ,
ТРУЖЕНИКАМ, ПЕРВОПРОХОДЦАМ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, К. Н. Замошкин,
А. П. Кунешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Лужин
[заместитель главного редактора], Р. И. Рождественский, Е. И. Рабчин-
ков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов [главный художник],
В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будина

СМЕНА 1

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ТВОРЧЕСТВО

Алексей НИКОЛАЕВ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

Рассказ
об одном
из молодых
участников
предсъездовского
соревнования

3

«Один Николай.
1941 года рождения. Кандидат
в члены КПСС. Профессия —
фрезеровщик. (Его аннот.)

апах моря в Одессе настолько
сильный, что и в зимнюю пору
его можно услышать на горо-
ских улицах. Здесь же, на При-
морском бульваре, густой ярлы-
чий настой его господствует
безраздельно. Особенно это чув-
ствуешь в сумерках, когда фо-
нари раскачиваются, и громко колебают темы про-
хожих. В их свете вспыхивают жареные
на кипятке, и «крабы» на морских фуршетах за-
жигаются темным золотом. В этот час Приморский
бульвар похож на огромную налубу, куда собира-
лись моряки со всех океанов. Во всяком случае,
думать хочется именно так.

Я уже заметила в Николае эту способность как
бы угадывать мысли собеседника, и теперь он го-
ворит, не дожидаясь вопроса:

— В старом путеводителе по Одессе сказано:
«Одесса имеет Черноморский Залив, где вода
дико и бы оставил эту фразу... она несет неко-
ражаемый одесский вимор, но к этому и бы добавил:
«Одесса имеет завод пропицанных стан-
ков». — Улыбка медленно скользит с его лица.

— Презнайте, вы ничего не слыхали о нем, да
же выражение не слыхали — «пропицанных».
Я ведь сам не знал этого слова пока сам не при-
шел сюда работать. Правда, завода тогда, на сутки
еще не было. Мы сидели ужасно, и я, забывши
с с четырехлетним стажем привыкан сюда, как
на целину, стояли только пустые прометы будущих цехов. Тогда выговорить-то это слово было
так же трудно, как достать билет в Одесскую фи-
лармонию. Сегодня каждый одесант произносит
мудренное это слово как свое, исконное и не без
гордости обретенное, ведь это Одесский завод, пре-
цизионных — «видимо» — машин спиртоочистки, ста-
нов первых и единственных в мире. — И говорит, уже скорее задумчиво, обращаясь как бы к само-
му себе: — Теперь я не могу представить Одессу
без нашего завода... как вот без этого памятника.
Мы останавливаемся у постамента, на котором
золотом высечены буквы: «Пушкин — граждани-

— От рабочего
требуется
не больше,
не меньше,
как творчество.

— Обработка такого вкладыша требует поистине фантастической точности — до десятой микрона!

— С заготовкой разговаривай на «ты». Не бойся ее, она еще ничто. Потом постепенно поуважительней с ней, и на «ты», и на «ты»...

— Здесь, ребята, головой поработать придется гораздо больше, чем руками.

— Если четко провести всю цепь операций, считайте — наша взяла.

Одессы». Гордая бронзовая голова смотрит в торжественную перспективу Приморского бульвара.

Отсюда видна вся акватория одесского порта, такая же широка, как во времена Пушкина, но преобразованная.

Вы не замечали такого парадокса: наше синее синется уже несколько старомодными — безраздельной любовью к Пушкину? Как это ни странно, в сердцах многих любителей поэзии любовь к Пушкину уступает место любви к другим поэтам. Нет, поймите меня правильно: я После Пушкина был еще и будущий прекрасный поэт, и любить их вполне естественно, но не сиюминутно. Нет, я имею в виду, что мы не из любых современных город — создание человеческих руки и разума, но при этом любовь к природе никогда не будет старомодной. В этом, если хотите, полотна опущения жизни, качества, и убеждений, современному человеку совершение необходимо. Не знаю, может быть, я старомоден, но всякий раз, когда слышу или читаю: «Родина летела к нам из прошлого», — я отвечаю: «Нет, я учу вас угадывать это чувство. И, честно говоря, меня злит этикетические эрудиты, которые засыпают вас десятками стихов поэтов, и, мягко скажем, масштабными поменяли Пушкина, а Пушкина знают не дальше того, что выбурили в землю».

Рассуждения Николая, выраженные, быть может, в несколько поэтической форме, отнюдь не показались мне старомодными. Что же касается некоторой остроты высказываний, присущей его темпераменту и манере мыслить, если можно так выразиться, не обходя острых углов, то я оценю это в первый же день нашего знакомства.

С Николаем Юдиным мы познакомились на заводском коммюнике. Из поздравления, прочитанного им, что называется крепко скрученный парень, в массивных очках. Несцепленной, но энергичной походкой он подошел к столу и оглядел зал. По залу прошлое движение, как это выражает, когда обилья не просто очередного оратора, а человека, от выступления которого интересно, чего ждет.

Ребята, бывший час мы сидим тут, как старики на заседании, устроили на коммюнике собрание по-настоящему, а сейчас в теплой, дружеской обстановке. Что ж, вас, чтобы поднять, нужно рассказывать, как бочки в «Гамбринусе» Данавы гоняются по-деловому и, как выразился один земляк, перестают размазывать капшу по чистому столу.

Меня поразило, что один человек — не директор и не главный инженер завода, а фрезеровщик из цеха № 1 — может так убедительно и подробно рассказать все заводские дела, все сложнейшее хозяйство современного предприятия, всю тяжесть рабочих взаимоотношений. Если Юдин говорил о том, что где-то не kleится, он не просто констатировал факт, но всякий раз предлагал конструктивное решение. Чувствовалось, что все это продумано им до собрания. Аудитория охмыка.

Ну, а теперь самое время, Николай помахал руками, чтобы привлечь внимание, работая, как сказала Аурора, никому не нужно объяснять, что события это хотя и касаются в гигантских масштабах, но кажется и конкретно нашего завода. Скажу больше: каждого рабочего. Я имею в виду один вопрос: с чем каждый из нас придет к следующему? Конечно, можно решить просто: работаем мы не плохо, план выполним, так что к следующему году мы не будем ручаться перед Верховом. Но знаете ли вы, что такое машины в администрации? План планом, План, как известно, выполняет вся страна и в обычное время. Время же следующее — время осенне-весенне, и подходит к нему, считают, нужно по-осенному. Логика, как видите, предельно простая. Так вот, чтобы не тратить лишних слов, предлагают два открытия следующими сияниями коммюнике этого цеха: исполнение в первом квартале плана выполним. Не могу вам объяснить, какая это болтовня и отсутственная работа. Но если кто-нибудь думает, что выехали здесь можно не спасательном аварии, тот глубоко заблуждается. Есть только один способ — четкая организация труда во всем звенях... Я тут кое-что подсчитал, прикинул. Када будто получается.

В зале стучатые скамьи, ребята сидят на скамьях, на которых разложены листочки со схемами, графиками, узористыми колонками цифр. Теперь собрались стоя похоже на рабочую планерку. Больные часы отсчитывают время, минутные стрелки все так же прыгают от цифры к цифре, но теперь уже никто не обращал на нее внимания...

К проходящей завода утренней автобус подходит набитым до стерни, возможной только в Одессе, правда, дальше поезду уже катят в подземелье честие. Что касается Николая Юдина, он предпочитает не испытывать общественный транспорт на растяжимость. На работу Николай ходит пешком,

и хотя путь этот неблаженный, он, по словам Николая, имеет свою неиспримимые премущества: это лучше время, чтобы подумать, что и как предстоит сегодня делать. «Что-то вроде утренней пла-нерки, правда, в одиночестве».

В цехе витровых пар, куда вот уже четыре года Николай Юдин приходит каждое утро, нет старых стакнов. Как и обмань молодых ани, это тоже сразу бросается в глаза. Новенькие, окрашенные в скользящие блестящие тона, стакни стоят, как чистопаренные лодочки, на воде. Их моряки — маленькие бархатистые. «Карусель», покоящиеся на круглые ми-ножи, строгальные, с длинными, красиво выпукнутыми спинами — все это под сияющим прометем це-ха скорее напоминает выставку умных современ-ных механизмов и одновременно парад необыкно-венно красивых живых существ. Фрезерный Нико-лая Юдина — один из многих... И снова, точно угадавши мысль читателя, он поклоняется станок по золотистой бархатистой поверхности и говорит, как говорит о любимом друге:

— Вот он, мой фрезезин! — И, улыбнувшись, до-бавляет: — Он у меня умница.

Я внимательно слежу за Николаем. Он ревниво оглядывает станок, мяткой кисточкой сметает невидимые мне пыльники и совсем как пианист перед инструментом разминяет пальцы. Потом берет за-

готовку и быстрым, видимо, привычным и выверенным движением закрепляет ее в столе. И вот уже это движение становится привычной манерой, под временноющей фразой какой-то фантазии, вспышкой, за которой диктуют колдовские пальцы Нико-лая.

Л, конечно, знал, что на фрезерном станке осу-ществляется обработка деталей по всем распространенным в технике поверхностям. И все же, чтобы понять это, нужно увидеть работу мастера. На мо-их глазах эта гра фрезы, жужжание отдающей излучинами, привычное звучание золотистой форму блюзящей детали и обратила ту замечательную, которая в пластических искусствах величает творчество.

Нужно думать, что я был поглощен этим твор-ческим перед мной действием, если не заметил, что, кроме меня, еще пара глаз внимательно и неотрыв-но следят за работой Николая Юдина.

После Соколова, который вчера пришел на завод сразу после школы. Первый ученик Юдина, Миша Новиков уже работает самостоятельно, и, судя по тому, что ему доверили новый станок, ра-ботает неплохо. Соколову предстоит пройти такой же путь наконечника мастерства. Сейчас, под наблюдением Николая, он встал к станку и закрепил заготовку. Разговор у них такой...

— С заготовкой разговаривай на «ты», — говорит Николай. — Не бойся ее, она еще ничто. Потом по-степенно поуважительней с ней — и на «вы», на «ты».

А как я узнаю, когда на «ты»?

— Сам почувствуешь. Станок подскажет. У каж-дой стадии обработки свой голос, свою музыку. Вот смотри...

Победить Николая пришлось насилом. Его долго не отпускали ребята, еще раз уточняли то, что вче-ре было принесено на комсомольском собрании. После чего он подсыпал им подписьки:

Было уже темно, когда Альянин до Примор-ского бульвара. Сухие листья кипятину пурпуром под ногами — как в запах моря, они не покидают Одессы зимой. Поглядывая сквозь на моего спутни-ка. Он задумчив, его можно принять за врача, ус-пешно сделавшего сложную операцию, юриста, за-кончившего трудный процесс научного работника, решившего проблему, которую никто не давал решить. Но комсомольская любовь к работе, которой я вчера пристрастился, и сегодняшняя работа Ни-колая, которой я и только что был свидетелем, при-дают теперь ему в моих глазах еще какую-то но-нюю гравь. Не знаю, как это точнее сформулиро-вать, но чувствуется, что этот человек постоянно занят поиском новых идей и решений.

И снять эта удивительная способность угадывать мысли собеседника.

— Вот мы приняли вчера решение изготовить десять винтовых пар,— говорит Николай.— Сделаем конечно. Но не думайте только, что все свершится по устаревшей и потому довольно примитивной формуле: работы лумпены, чтобы дело сделано. Не будем забывать, чтобы вымежать на коленях, и на краешках мускулах. Современное производство — возьмите хотя бы наше станкостроение — настолько сложно, что и в поте лица тут ничего не сделаешь. От рабочего сегодня требуется не большие, не меньше, как творчество. Я говорю об этом потому, что молодые ребята, готовящиеся стать к станку, как-то самим вынуждают своих педагогов. Однажды я слышал технический профессором — однажды, что ли, в сфере исключительно научной и инженерной. Но ведь этот самый технический прогресс открывает возможности творчества и вне сферы традиционно интеллектуальных профессий. Впрочем, чтобы все это, не дай бог, не показалось вам, так сказать, плодом «ума холодных наблюдений», попробую объяснить на собственном примере. Я делал вкладыш для винтовых пар. Точность обработки здесь еще по недавнему времени поистине фантастическая: до десятой микрома. А геометрическая форма такого

вкладыша сложна до чертиков. Так вот, начал с того, что делал один вкладыш в день. Сейчас за смену — около семидесяти. Дело в данном случае вовсе не в количестве. Говорю только к тому, что для этого пришлось поработать головой: неправильно былое, чем руками. И обработка нам — делать смерть плавни. Десять винтовых пар, мозгами нужно крушить с такой же скоростью, как вращается фреза. Иначе ничего не выйдет...

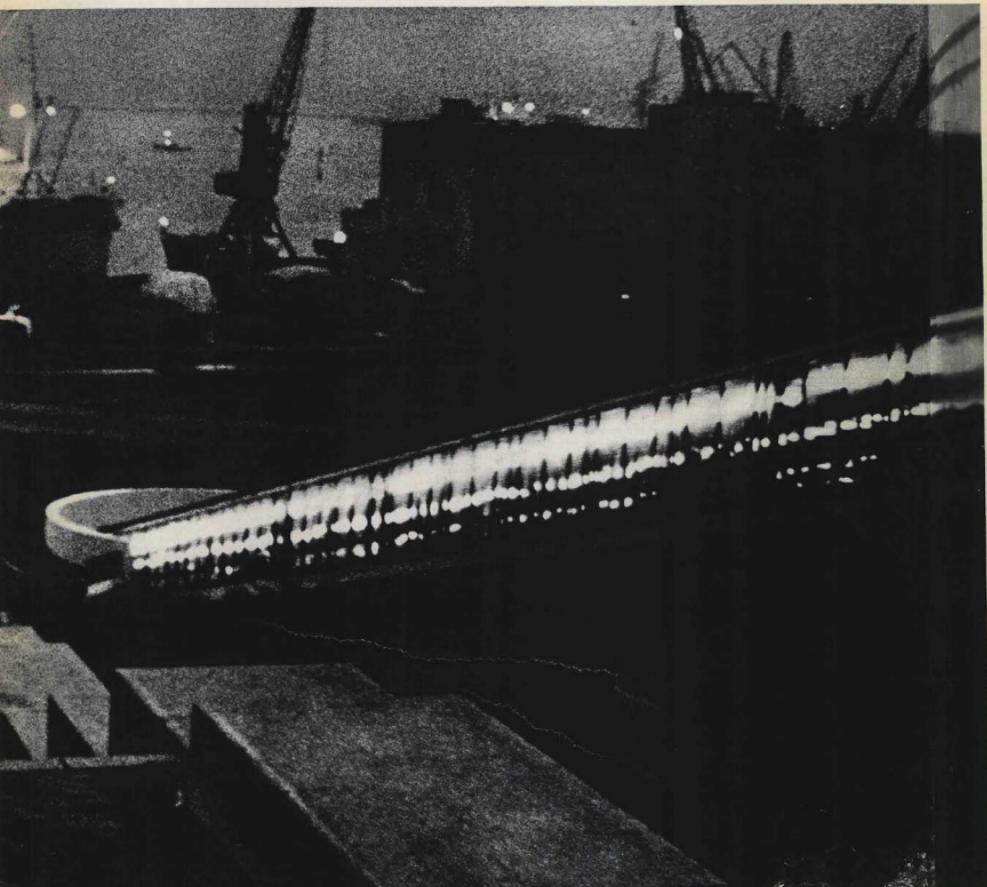
Удивило меня то, что Николай вдруг неожиданно остановился, совершенно забыв, кажется, и обо мне и о том, что он только что с таким жаром рассказал...

— Извините, мне срочно нужно домой,— сказал он как-то рассеянно.— Да, да, очень срочно. Есть одна идея...

И уже обернувшись, крикнул:

— А мы сделаем больше десяти! Под фонограммами Приморского бульвара шли люди в кителях, бушлатах, с золотистыми «крабами» на фурзажах. Они шли, как по огромному палубе, которой было не меньше километра. И вдруг, из скопления во воду, среди них Кола Юдин и думал, что в этот традиционный город моряков хорошо вписывается фигура рабочего парня в кепке и больших профессорских очках.

— А мы сделаем больше десяти!!

Рабочий в 17 лет

Я продолжал путешествие в мир семнадцатилетнего рабочего паренека. Мы сидели в крохотном рабочем пригороде. Хотя, разумеется, я поимал, близко к столице отразился на оконке подростка.

Мытищинские ребята с любопытством слушали наши вопросы. Вооружившись карандашами и бумагой, они писали свои ответы, а когда работа наших занятий кончалась, мы, как было условлено, покорачивались к им спиной, и они, перемешав свои безымянные исповеди, складывали их стопкой на столешнице.

Путешествие по этим странам было для меня увлекательным. Совершил его герой вместе...

Я сделала лишь шаг в из мира — и все дальше. Каждый из поэтов, рассказы пластинок, которая звучала одновременно, веяла голосами их курилок, капитаны «веселых и находчивых», провожавшие меня интеллектуальными ульбками — люди, веячи, увлечения, названия кинокартин, имени актеров, спортсменов и телевидчиков, киногероев и литературных образов, окраинные земли которых будто землю. Но как странно они вырвались! В каком-то ником поряжде. И кто-то из тех, кому мы в нашем, взрослом, мире ценили, здесь не пользовался успехом. Но так же, как и нас, над страной семнадцатилетних гостеприимствовал резкий стук шайбы о бордюры. Постоянный Заглавушкин прорвался.

Я отметил: мой знакомый рабочий паренек смотрел огромное количество кинофильмов — все, что выходило на экран! Он сказал, что кино ему нравится само по себе. И, кроме того, я помнила: фильмы — это повышка, его не было сперва «перевести», как мы сказали. И вот я увидела, что в этих картинах без восторга, не жалея потраченного времени (его впереди так много!), с удовольствием смотрел повторяющий «белое сопло» пустыни и все серии «Фантомаса», «Сонца Сатурна» и «Три дня из жизни Виктора Чертышева». При舸膜иони, я сидела с взрослым человеком. Но не будем забывать, что он — подросток. Пока Пьер Бедухов и князь Андрей вели свою разговоры, он томился, но охиаялся, лишь только начинились военные баталии «Войны и мира». Он вздыбил над «Бородой» Шварценеггером и до слез смялся над «вездесущей» Марго.

Мы заговорили об актерах, и он назвал Баталова, Ролана Быкова, Смирнова, Софи Лорен, Рыбинкова, Ляминеллу Пирье, но лишь Никулина и Винци (почему-то без Моргрунова) были его абсолютными кумирами.

В его стране за пределами заводской территории в крохотном рабочем пригороде, от которого не больше часа до центра столицы, и конечно, слышал о «Современниках», Театре на Таганке и Театре сатиры, сам он в них не был. Он сказал мне, что вместе со школой «посещал Театр Советской Армии, но не называл его, не знал автора, не знал, что это — воспоминание о мотоцикле, который был еще в Третьковской галерее, и на танциллоадке. На стадионе в Лужниках и в бассейне. На катке и на ВДНХ.

Я понтеровалась: любит ли он книги? Я предположила ему листаться на полотнах, и он смеясь, сказал:

«Случай будешь!» Его любимый поэт Сергей Есенин — вот уж было неизведанностью! Уважаемые Александра Сергеевича Пушкин. Из современных мельманы Рождественский и Асадов. И все. А в нескольких анекдотах было обронено примерно следующее: «Я не знал, что такое слушать!»

Мне это надо. Он назвал Джека Лондона, Жюля Верна, фантастическую Белову. И, конечно, любил военно-приключенческий жанр. («Люблю про альбиносов и разведчиков. Есть чему научиться!») Но где берет он книги?

Я спрашивала — и спишил в ответ:

«И не в библиотеке и не у друзей. И не покупаю. Откуда же тогда этот набор?» Говорю, что я тоже...»

И кто-такой его любимый литературный герой? Это осталось тайной.

Что действительно тянет его и сбивает неизведанно, так это музыка? Песни, мелодии, певцы...

Музыкант Эдита Пьеха. Исполнитель пластика он взял бы с собою, когда

я предложила ему отправиться в отпуск на «необитаемый остров».

Но кто бы подумал, что он захватит еще и какую-то «Восточную песню» (!), о которой взрослые люди, когда и их распределяли, слыхом не слыхали. И, конечно, я не спросила, почему-то не спросила.

Я стала перечислять названия песен, и он тут же распределял их по-своему в порядке предпочтения. «Конечно, «Лайкай» — восхитителен, он, имея в виду песню английского певца Тома Джонса... Потом туристские песни, «Ладдадушка», песни Джорджа Майкла, Пакмутовой, Зинкиной... Я подумала, что есть смысл размышлять о диапазоне вкуса подростка.

Круг его симпатий расширялся далее так. Любимый космонавт — Гагарин (это мы почитаем всеми),

популярный диктор — Левитин, ученик Ломоносова. Я спросила о своем герое, с которым увлекается, о рабочем, которого уважает, о крестильнике, которого знает и любит. Он сказал: «Не помню таких!»

И только раз кто-то назвал «Вени» с нашего завода. И ух со всеми нетично произнучало: «Любимая крестильница».

В мире его симпатий я не встретила либерального философа, журналиста, режиссера, художника, скульптора. Но было много военных (от Суворова до маршала Гречко) и почти вся сборная СССР по хоккею. Но спортивном Олимпиаде восседал его абсолютный

бог — Вячеслав Старшинов. Да, конечно, любимое увлечение — спорт! И при этом — «блондин» Давид Райзер, дающий фонтан из эмоций, синий Айртон Сenna, и старец — «такая рука» — покоряющий переключатель программ телевизора, и смотрят хоккейный матч, самый неинтересный, какой я смог придумать: «Сборная СССР — сборная Франции».

Я задал ему деликатный вопрос: какими должны быть по его представлению настоящий мужчина? И он нарисовал мне картину: «Синий склон», склонившийся к юности своих смуглых образов. Он в нем смешались черты тех людей, которых он видел на стадионе, на экране телевизора, на улице, в компании сверстников. Людей, которым он воспрогляд.

Он считал, что мужчина, конечно, нужно уметь работать, зарабатывать деньги, чтобы жить, и не только работой. Но я обратила внимание: часто в суждениях семнадцатилетнего врывалась мысль противоречия. Да, конечно, мужчина нужна общественная работа. И тут же: «Общественников и тах хватает!» Порой же мне хотелось, чтобы человек в семнадцать лет был не так определен (*«Читать французские книжки. А зачем?»*).

Мужчина, которому назначалась не обязательно долгий путь быть сильным, уметь рисовать и давать сдачи. Ему, оказывается, важнее, как он выразился, «быть привлекательным». И для этого следовало mode (*«Обязательность!»*), соблюдать правила этикета, играть на гитаре, аккомпанировать своим песням, иметь магнитофон (*«без него мужчина — не человека!»*).

Такое семнадцатилетний рабочий паренек, вспеченный мною в Мытищах, и танец мир вещей и понятий, в котором он находился, в котором он реально появил.

Возможно, с годами изменится наружность, характер, интересы, на лицах появятся чисто вкусы, разделяют чисто то чисто зрения и взгляды и чисто то чисто чувства. Искать искать с поисками кумиров. Но наше попадаться лицам на экран, которое что-то говорит, что-то показывает, что-то не нужно строить, создавать духовный мир работы. Странно это умно, тонко, перспективно.

Размыслила над этим, и пришла на завод, попросив «членов занятого массового коллектива» — рабочих, инженеров, смотрителей, мастеров, старост, собрать свое заводское симпатии — членов комитета и комиссий заводской администрации, как сейчас, рассказала я, о своих впечатлениях «своего человека».

Говорили горячо, страстью. Вспомнили «Кто не пессимист», — сказали, плачевая. Вот, моя, оттуда надо идти. Пересудились о кино, оно, конечно, доступно, интересно, но и опасно. Пересудились о театре, о хоккее, о спорте, о кино, о ватсках, о телевизионных детективных фильмах. И подражали.

В дверь стучит с совершенством.

Кто их кумиры?

Быть, а не класться...

Комитет комсомола: «Надо учить ребят не созерцать, а добиваться цели».

Владимир ГЛОТОВ

МИР ЗАЩИТИЛ

Рисунок Владимира ФЕКЛЯЕВА

— Это я опять, тетка Татьяна.

— Прододи, Петруша, пирожки...

— А Машка, где же ты?

Маша сейчас же узнала голос вошедшего. Это снова заявился Петя Сноболин. Зачем он пришел? Может быть, что-нибудь узнал новое про Катю? А может быть, Тимофей приспал?

Петя, проходи-ка сюда, — выглянула из горницы Маша.

Но раздеваясь, и даже не снимая шапки, Петяка пронесся в горницу.

— Машка, секрет есть, — понизив голос и потешно вращая озорными глазами, сказал Петяка.

— Катя, ты что-нибудь скрываешь? — без особого интереса спросила Маша, чувствуя, что она опять ошиблась в своих предположениях: вестей о Кате он не принес, как не принес никаких вестей и от Тимофея.

Хочу я, Машка, Катку вырасти, — совсем уже шепотом сказал Петяка, ворочаясь озирадаясь.

— Как это? — Внег беззральчие слетело с Маши. Она подскочила к парнику, схватила его за опояску, заглянула в глаза. Как, Петяка, как? Скажи скорее!

— Очень просто, Машка. Я все выследил. Катя сидит у Феофана в скотном избе. Окно этой избы выходит в прорук. Выстричь раму — пустьки. Залезти гвоздиками, цицанды, отогнуг — и все. Вытаск, птичка, на белый свет!

Петяка, голубь ты мой... Катя от счастья ухрет. — Маша обняла парнику, поцеловала в щеку. Петяка отступили на полшага, с ухмылкой сквозя:

— Хоть и сладкая ты, Машка, а все ж таки не балуй. Тыма ноги переломает.

— Ну, а дальше что, Петяка? Дальше что делать будем? — озабоченно ногами, сидя на полу, спросила Маша.

— Не делать? А начнёт Ждать ночи, — ухмыляясь, сказал Петяка.

— Ты один это придумал?

— А тебе чё? Не все равно ли?

— Ну, а все-таки?

— И дуреха же ты, Машка! Живешь под боком с этим человеком, а не знаешь.

Вдруг в горницу деловитым шагом вошел Лукьянин. Маша растерялась, не знала, что и говорить при отце, а Петяка, видя все это, засиял веселой улыбкой.

— Слушай-ка, Петруха, пурга начинается, — сказал Лукьянин. — Вылезти ее почью из сена не удастся. Придется прятать где-то здесь...

— Ну и чё? Спирчу у себя в избе. Матери скажу, что привез себе, как Стенки Розин, персидскую царевну, а если не поверит, набреши, что в чужой деревне невесту для Тимки Чернова выкрал. — Петяка, оказывается,

не только был смелчак, любитель риска, но и фантазер. Он задорно хохотал, посматривая на Машу, стоявшую в полном недоумения, присущенным глазами, из которых так и плескались озорные буяны.

— Что же это за буяны? Уроды! Уроды! — строго поднял руку. — Ты горючи, Петруха! Ты горючи!

— Да я горючи, Петруха! — крикнула Маша, отдернув от Фомыонова по дамам юбку. все бани и овины обшарпав. Самки-то они, может быть, и ни сунулись бы, да ведь эта визгливая барышня заставляет. А раз пойдёт, то первым делом к нам, а потом к тебе. Ты соеди в друблые мыши. Понял?

— Понял, дядя Степан. А куда ее приткнуть, не знаю... — Петья развел руками, выжидаящие смотрел на Лукьянинов.

Самое надежное место, Петруха, Маминки дом... — помочилась, сказав Лукьянинову, Петья. — Быстро, быстро! Быстро! — бормотал от Фомыонова по дамам юбкой. Продул пробкам, через щелодку — и дома. Не по полу танцуйся, собаг не исполосуйши, и встреч ни с кем не будет. А если начнешь по дворам шурять, к Маминке в дом ни под каким видом не пойдешь. Бояться ее...

II.

Сквозь туму и снежную завесу Катя никак не могла разобрать, кто ломается к ней в окно. Ей хотелось скорее пожать руку своему спасителю, но рама, будто нало, никак не поддавалась.

— Эх ты, барышня, стуки кулачком по раме! — услышала Катя чей-то приветственный систонг ветра голос.

Вокруг стуков нависла беда. Катя уперлась в раму обеими руками, и в тот же миг лицо обжег холодающий ветер с колючими снежинками. Рама медленно, но верно удалялась от нее.

Мое вам с кисточкой, барышня. Это я, Петья Скобелкин. Стилок нашел до сердца... Давай руку и скайт прямко на меня. И живо, мешкат некогда. Сынчики, сбаки учудиши...

Действительно, крытый жердями и соломой, обнесенный высоким загородом двор урядника Феофана огласился залихватским лаем. Разбурженные норважишили в нынешнем избре, тревожно закудахлив в курятину курицы.

Ката пропела в окно, раздирая на спине гвозди. Дуны полубузин. Ветер, вспыхнув, упал в снег, захлебываясь холодающим воздухом. Петья, не мешкая ни секунды, поставил раму на старое место, отогнув в прежнее положение глохни.

— Ну, барышня, подавай бог ноги! — крикнул он Кате в самое ухо, и схватил за руку, потащил за собой. — У Маминки тебе запрячи. Понимаша, нет ли?.. У Маминки!

Петья не давал пощады Кате ни на одну минуту. Когда она в городе Маминки увидалась, барахталась в снегу. Петья обложил ее крепким словцом:

— Ну, увидалась, — сказал он. — Петья, порохом на Кате сину:

— Цеплющие руки за шею. Половозу:

Ката попробовала сопротивляться, но иди своим ногами не могла, сноу спала. Петья взъерошил.

— Кому говорю, цепляйся! — закричал он.

Теперь Ката не отела отказываться от Петиной помощи.

— Вот так-то лучше, так быстрее в нас дело пойдет... Да ты совсем, барышня, легкая, а ведь с виду гудька, макарыча. Бормотал Петья, пересекаясь с Катой, в глаза, с виду гудька, макарыча. Закину руки, он поддержал Кату, встремившую ее, как мечек с грудью.

Ката пыталась разжать свои руки, которых обхватывала Петинки мучгую шею, скосыльнувшись с его спиной, но злой шепот парнистановил ее:

— Не смея! Вишь, урядник в доме отогнай зажег. Пончал, холера!

Петья сам сбросил Кату, когда они скрылись за высокими заборами Маминского двора. Тут же миг был уже другой: он метался с пронзительным систонгом, но заборы, стоявшие кольцом, не давали ему воли для разбега.

III.

— Бабка Степанида, гостью встречай! — громко сказал Петья, раскрыв дверь в темную избу Маминки.

В тот же миг откуда-то сверху послышались шамкающий голос стражухи:

— Пронюх, ее, смыка, на полати. Небось, озимка.

В преддверии избы Ката, вспомнив про погоду, покосилась: прогорает: им почки, с каторгами, донеслись голос стражухи, на полатей, на которые ей принесли заедать, им кровати, стоявшей в углу, ни стola, притиснутого в угол, под иконами. Она сунулась кудо-то в сторону, ударила коленом о кишинуку и, задорогнув, остановилась. Жестокий ковш, задетый полой полушубка, упал, завишился в типисне оглушительно.

— Ты же это, барышня, как слепой кутенок? — усмехнулся Петья.

Он взял Кату за руку, подвел к печке.

— Скинула, — сказала Ката, — и на полати опиралась на приступок. Я подсаджу.

Ката развернула, но не приступила, ни полатей не видела.

— Вон сюда становись! Петья сквяти ее за ногу, поставил на приступок. — Теперь берись за край полатей.

Ката нащупнула кромку полатей, уцепилась за нее. Петья сквяти ее, приподняла.

— Вздыхай.

Ката никак нечувствовалась под собой полати, подтянула, закинула одну ногу, потом вторую.

А Ката — вон! Петья исчез. В избе стало тихо. До Кати донеслись лишь спуск пурги до склеризов задних стражух.

— Спасибо вам, бабушка, за приют, — пропищала Ката, не надеясь, что Степанида Семеновна ее услышит. Но, несмотря на преклонный возраст, у той было сырый слух.

— А ты, дочка, не обергайся! В избе никого нету, — сказала старуха.

— Но я разве одна живет? — удивилась Ката, вспомнив рассказ о Маминике Татьяне Никаноровне.

— Нет, — сказала Ката, — в земле одной живет. Дава внука со мной да коч. В Заречье волчака на молоту учин. Жиуют там холмы спасенные, по кутрам больные. И хлеба у них и скота не всравимо с нами. Земли там покажире, луга по простиранье. Мон-то и заторопились, пока народинко из других волостей не надвинулся. Пуще волков, дочка, рыкают люди неконче по белу свету из-за куска хлеба. Жиуют своего требует.

Степанида Семеновна умолкла, задохнула, защемила молитву. Ката промолкала, укладываясь на полатях так, чтобы было удобно. Полушубок еще, померкнув на ветру, не успел еще согреться. Она свернула его валиком, промежкала под голову. Здесь было тепло, пахло полынью, глиной, кипятком.

— Ты синя, дочка, синя. Утро вчера мудреное, — шеборща какой-то одеждой, сказала старуха.

— Постараюсь уснуть, бабушки. Отдыхай и ты.

Разбудила говорить в избе. Она подняла голову с полушубка, прислушалась.

— Уж такой вечер, темна Степанида, что с ног валит. Ни эти не видно. Задорога и тут было растяно. Едва об него не расшиблась, — рассказывала словоохотливая женщина.

— Раз к утру не умоюся, гремер самое меньшее до вечера будет пушметь, — сказала старуха и, погремев ведром, подала его женщине.

— Погоди, Анилькоша, тут у меня в загтечке кусочек маслица приспене. Вымыши, небось, задубров на холоде, — сказала Маминка, и Ката поняла, что происходит: старуха уже не может сама донять корову, и ее принесла соседка с которой, видать, есть уговор.

— Анилькоша, — сказала Ката, — я тебе скажу, что я не могу заснуть, — и стала светить. Ката чуток отогнула занавеску, которой были прикрыты полы, увидела Маминку и высокую женщину в полушубке. Они разливали масло по кринкам, тако переговаривались:

— Ну, а как там на селе-то, Анилькоша, что слышно?

— А эту городскую толстуху все клинут, а молоденько-ую шибко жалеют. Чет она, разве не правду на сходке сказала? Чистую правду! Мужики сильно на урядника со старостой зуб гочат. Мойто Демыки? Полмужика: одна рука тяжелее другой, и то, куда там! Вот, говорит, как нас тут, фронтонами поблеск соберется, как этич начальникам хинжелько фортификации собирась... Ты и говори: фортификации.

— Иши, ты! Это, значит, как же?

— А так, говорит: были — и нету. А на их место свои, из бедняков, кому хомут шио трет и днем и ночь...

— И поверь мне, Анилькоша, сделают, как говорят, и взыскивать будет не с кого. С народом штуки плохи.

— Ой, погоди, погоди с народом. Уж коли захочет, поставит на своем, — согласилась Анилькоша. — Ах, нечего думать! — сказала Степанида, и побежала. Принесла до вечера. Кинуть сеине корове и онам не забудь...

— Помни, Анилькоша, помни...

Когда шата Анилькоша смолкли, Ката поддала голос:

— Доброе утро, Степанида Семеновна!

— О, да ты проснулась, голубушка? Не знаю вот, как тебя родители нарекли?

— Катей зовут меня. А спаслось мне хорошо, Степанида Семеновна.

— Ну, погоди, погоди, приведи себя в порядок. Я сейчас только не и не к тому, а все-таки...

Однако Степанида Семеновна не успела выйти: в сенях послышалась топот, и широка распахнув дверь, в избу вбежала запыхавшаяся Анилькоша...

— Тетка Степанида, ты послушай, что дается на белом свете! — торопливо заговорила женщина. — Та, молоденько-я, обскажи на скотной избы.

— Иши! Ее Феофания со старостой по всему селу. Сказывают, лихомягко-то пасы, которая на сходке распинилась, велела всем взирать, а беженку настигни...

— Ну и слава Богу, Анилькоша, что девица сбежала. Ни в чем она не виновата. — Степанида Семеновна повернулась к иконам, перекрестилась.

— А сказывают, нет ли Анилькоша, как она побег супинила? — спросила старуха, встав под полатями и рассчитывая, что Ката услышит весь разговор.

— Как же, тетка Степанида, сказывают! И прямо чудеса какие-то! Рано утром Феофания будто пошел ей. Открыл замок, входят в избу, а вней никого. Он к окну — окно цело. Она на печь — там пусто. Он в подполье и там никого. Стал он потолок простираивать — все плахи на месте. Побежал на улицу: окно как было с оенси забито, так и стоит. Следов никаких. Снегу наступу вокруг на дра аршина. Сгинула, и все! Феофания, то, сказывают, беженка-то пасы, которая на сходке распинилась, велела всем взирать, а беженку настигни...

— Ну и слава Богу, Анилькоша, что девица сбежала. Ей-богу, обработка. Через трубу ушла...

Сестра Степанида почкала головой, с укором сказывая:

— Обороться... Дурень Феофания. А ей, может, ее господин бояр помогал. Тогда как?

— Вот то-то и оно, тетка Степанида, — согласилась женщина и, сожалея, что ей нужно торопиться на молотью, скрылась за дверью.

— Слышила, дочка, как тебе урядники-то малият? — с усмешкой спросила старуха. — Ах, негодяй, ах, казаконайд!

— Слышила! — весело сказала Ката и спустилась с полатей.

— А все ее поберись, дочка. Все они сейчас обшарят: и дома, и овны, и к бане придут...

— Могут. А ты не боишься. Поехь сейчас — и сна полати. От печи заслони тебе мешком с шерстью, а с этого ярило сама лягу. Только не прослушать бы их в воротах, хоть и скрипят они у нас — за версту слышно.

Ката быстро выпила молоко, смыла хлеб и полезла на полати.

— А коли скрипну, там, можешь сойти сна. Я пока преберусь тут...

— Сказывай, — сказала старуха.

— А коли я скрипну, — сказала Ката, — Степанида Семеновна, не видо?

— Управилась, дочка. Скинтил мне некуда. А ты в сенях.

Ката мелькала юбкой, замахнула ногами и скрылась. Свернувшись клубком, она лежала неподвижно, прислушиваясь к скрипу выlogy: «Кто же этого придумал? несет моего основожаждения? Маша? Тимофеи? Петья? А может быть, бабушка? Путины?» Ну что бы он придумал... — придумах хорошо... Если не народ, то мешки с зерном унесут в Томск...

— Не спиши, дочка! — звонко послышалась голос Степаниды Семеновны. Она карабкалась на полати. Ката сквяти ее за руку, стала помогать.

— Залезь, дочка, не в первый раз.

Старуха легла на самом краю полатей, почти рядом с Катей.

— А ты, дочка, замужника, нет ли? — спросила вполголоса Степанида

Семеновна. Катя давно ждала этого, зная, что такой человек, как Маминка, не оставил ее без расспросов.

— Не успела еще, бабушка, замуж выйти. Жизнь у меня такая...

— Какая бы жизнь ни была, а замуж выходить надо. Уж так господом Богом велено.

— Да ведь за кого попало выходить замуж страшно, а желанного еще не встретила.

Вдруг застонали ворота, закричали стуны, и избы морозного воздуха ворвались в широко распахнутые двери. Катя сжалась в комок, застучала в виски кровь, сердце забилось сильными толчками. «Угадник!» — промелькнуло в голове. Но тот дверь захлопнулась, кто-то с разбегом шлепнулся на середину избы, и Катя услышала тромкий, веселый смех Пети Скобелкина.

Быстро, быстро, барышня, к тебе, озывается, волни слопали... — Смех дунул Петику, он катался по полу. — Бабка Степанида, не бойся, не придут. Сидят, горюют, трясут штанами. И толстуха там, наверно, тоже подмокла...

Степанида Семеновна выставила с полотенцем голову, а Катя приподняла занавеску.

— Чем, синий? Обсемений! — строгим голосом сказала старуха.

Петя переступал вонючие еще раздутье, на колени, смыкнувшись, поклоняясь, начал рассказывать:

Как только урядник поднял тревогу, я тут как тут. Позвал он старуху, наложил присяги мужиков избы осматривать, беглыша искать. Да и мне лопату. «Пойдешь с нами, чурбай, будешь дорогу нам откладывать». Я говорю: «Как наизволите, а обсыпывается можно ополса». Еще неизвестно, кто нас чурбайн. Ну, об этом конечно, я только подумал, а слов никаких молнить не посмел. Поплыл я тревоги вперед, как бешенный, хринят, будто жеребец зевает. «Обработка энта девки. В трубу она вылезет». — кричит Петя избы, барышня. А сам в одну избы, в другую, в амбары, в бани,зыряет, как огуречник.

Пронесли мы по первой улице, а на нижнюю надо по проезжую идти. Метут тут ужас как, с ног валили! Вредим. Мужики кроют старость и урядников последними словами. А те, суки, молчат, как в рот воды набрали. А уже светать стало. Вину — впереди бугором. Толкнули в него лопатой. В снегу — кубы бичин. Ну, все засторонились, струсили. «Это же не пешеходы, это же урядники!» А стоял барышня, как вонючий кот. «Накажи ее, это самое, может, тоже, ее вонючий котик», — говорили. Мужики аж покривели, проплыли руки уряднику. «На ведь ты, колесарская твоя душа, стравили человека зверью. Это же клок от полушубка ее. Тебе же за это пощады ни на том, ни на этом свете не будет!» А урядник онемел, опустил руки, сам со своей. Староста струхнул и того боле. А мужики на него: «Пусть тебя называют вымершее, ушибец ты разнесчастный!» Тимки отковыльчились, чуть подполз, толк костылем в сугробики, а там валили. Ну, узкую каждую избы, вонючую избы, вонючую избы, обсыпали, обсыпали, обсыпали. Быстро спрыгнули ее, разделася на части, рассекли косточки и оденди по всей полине. Где их теперь найти-то? Но весне разве вытают. Тут мужики в такую ярость пришли — стражи страшные. Я думал, конец и уряднику и старосте. «Ишище, — кричат, — понятых себя на том свете, а мы вам не служим!» И айда кто куда, по домам.

Катя сплюнула Петью Скобелкина, выспынувшись чутки ли не до пояса. Она живо представила все, что происходило в раиное утро этого южного дня. Лицо ее, начиная истревоженное, строгое, повеселело, и она засияла авокадово-смешком.

— Ты, Петя, просто прелест! Так им и надо! Мы им еще не то придумаем!

— Шутник ты, сынок, — не скрывая усмешки, сказала Степанида Семеновна. — Одурчился их хороши. Того заслужили. А только придут они в себя и станут еще злее. Не думай, что взял верх над ними навсегда.

Трезвый голос старухи несколько остановил и Петью и Катю, которые в эту минуту забыли и думать об опасности.

— Ну, ты там, сынок, не зевай. В случае чего: стук-постук нам в окно, — сказала старуха, видя, что Петя вскочила и нахлобучила до бровей шапку.

— Само собой, Мамика! Петью сроду никого не подводил!

IV.

В сумерках пришла Алисентина, забрала ведро, отправилась донять корову. Едва спала выхала сено для лоха, удалилась к себе домой, подсыпалась теплым на крыльце и в избу засыпал Лукашко.

— Здрастуйте, Степанида Семеновна, здравствуйте, Катя, — сказала он, окунув избы быстрым взглядом. Старуха сидела у стола, визела. Поднялась настремчу Лукашко, приветливо поздоровалась. Катя узнала голос Мани-поты, отдернула занавеску полотенцем.

— Ой, какой ты! Здравствуйте, Степан Димитрич.

— Недолго Петью хворост спасала я, быв, Катя, — заговорил торопливо Степан. — Раскупорил я, чтоб она избы не ободралась. Дни на два, на три. А дальше видно будет. Велит отыскать тебе живую ли, мертвую ли...

— Как же быть, Степан Димитрич? Уже не хочется снова нападать на них в катализме, — задохнулась Катя.

— Потому и зашел. Придется в ночи уйти в тайгу. Хоть идти по таковой нуре будет лухо, а выхода нет. Иначе схватят они тебя.

— А куда ты ее, Степан, поведешь? Не на выселков?

— На выселков, — сказала Катя, — а не на выселков. У Окентия Свободного золу ее спрятать. Дни на два, на три. А дальше видно будет.

— Место хорошее, а только путь-то тудашибко тяжелый.

— За ночь проблемы, Степанида Семеновна.

— А у тебя-то были, нет ли?

— Все углы обнохали.

— Обмыс делали? — обеспокоился за личаковские бумаги, спросила Катя.

— Заглянула в подполье, в амбар, банию осмотрели. Схватили с и сими.

Ни одна из сими не есть...

— Давно такого, Степан, не было. Пожалуй, с той поры, как на этапа семеро бежали. Помнишь, нет ли?

— Как же, помнишь! Вместе с тобой, тетя Степанида, подмыгли им тогда. Кажись, в погребе они у тебя день просидели? К Окентию же Свободному

я тогда их увел... Ну, будь готова, Катя, к вечеру попознее. На лыжах хажинай?

— Немножко приходилось. С родителями в финскую деревню на каникулы ездила, каталась с гор...

Лукашко ушел. Старуха отложила взаимы и принялась готовить ужин.

— А кто это ушел? — Окентий, Степанида Семеновна? — спросила Катя. Старуха помедлила с ответом. Видимо, не так прост был этот Окентий Свободный, чтобы сказать о нем что-то существенное двумя-тремя словами.

— Но поймешь его сразу, кто он. Не то вербоступник, богухул, не то благородный чудак. Погладишь сама, — уклонилась от прямого ответа старуха.

Ужинали не спеша, по-прежнему без света. Старуха вспомнила историю с побегом семи каторжан. Дело было осенью четырнадцатого года. Этап двинулся из Томска на присыки. Гнали настолько осужденных солдат, офицеров, рабочих, противостоявших против войны. Нартицы были многочисленной, разнополой, буйно-веселой, несмотря на тяжкие приговоры: меньше пяти лет каторги ни у кого не было. Во время утренней поверки произошел обман. Подследники, сидевшие впереди, убежали из-за отступающих. Побег семи обвинуемых привел к побегу остальных, и это привело Катю до следа...

Тут же убежали сразу семеро!

— Теперь, дочка, и тебе на этой же пути доведется идти, — закончила свою рассказ Степанида Семеновна.

Подошло вечером в избу вновь с шумом явился Петя Скобелкин.

— Прощальный час, барышня, наступил. За синими, во все леса, тебе ждет дядя Степан. А до него — проводница. Ужась как жалко отправлять тебя из Лукашконы. Если че не так было, барышня, извини. Может, что скажешь ужин неожижен же по темкоте, прошу прощения... — Петя говорил сердечно в голосе его не было обычной шутливости, и это тронуло Катю до слез.

— Ты не темен, Петя, нет, нет! Ты ведь геройский! Для я тебе обижаю на прощание! Катя прижалась к Петке, похлопала его по спине. Потом Катя обняла старуху.

— Недаром, Степанида Семеновна, прощали вас Маминки. Спасибо за прямок, за честность, за то, что вас будто подняли из земли.

Старуха всхлипнула, сунула Кате в руки ломоть хлеба.

Положи, дочка, на пахву. В дороге подкрепишься.

Когда спустились с крыльца, снежный снегущий снег ударил Катю в лицо. Они перебежали улицу избы, по узкому проезжему спустились к речке, закованной в ледяную одежду, поплыли вдоль яра. Берег надежно запечатил их от удара метра. Вскоре впереди показалась темная полоса леса. От его непримятой загадочности у Кати заныло сердце.

Но, берегом, вдоль яра, вонючим избы, не начиняется. Там и в буро-сером снегу сплюхнула, сказала Петя. Он словно почутствовал состояния Кати, ее острую напряженку к этой темной стенаe — кухни и грозной. Возможно, Катя и поверзла бы Петке, чтоб котелку сбить с головы, но только зарыпешумела, где-то неподалеку раздался жуткий треск, и земля содрогнулась от грота.

— Ого, как вымылашь, холера ее вонзмы! — вымылашь Петя, а Катя из испуга на несколько секунд остановилась, замигла. — Не треск, барышня! Дядя Степан приводит тебя, как по плоту, — щегольнула Петя своим похищением.

А Лукашко ушел жад. Он на полымя отделился от толстой сосны, скользил.

— Катя ко мне, а ты, Петя, поварачай назад! И смотри в оба!

— Не сумьешишь, дядя Степан! — кричала Петя и вместе с порывом ветра исчезла из глаз в облаке снега.

Быстро, как вспышка, скользнула вонючая избы на дальнем краю Лукашконы, заглушила струну из дальневосточного куста языка. Катя привыкла языки и удивилась тому, что они были совсем не похожими на те финские, на которых она каталась когда-то, будто на канализации. Те языки были длинные, узкие, с металлическими креплениями. Эти, наоборот, оказались короткими, широкими. К тому же они были обшиты жесткими мехом.

— На такие я и ходила. Степан Димитрич, — виновато сказала Катя, опуская легкие гибкие языки с ремнями на середине и с деревянками, тянувшимися от передней кромки.

И вспомнила, вспомнила, Лукашконы убежал. Он поднялся от сна. Ремнями их обвязал...

Они пошли. В избах снега Лукашконы скользили, будто пропадали в преподобном, то возникали на расстоянии вытянутой руки. Хотя языки были совсем иными, старый опыт пригодился. Катя на первый же версту приворовилась к ним. Языки не скользили назад — ворс межхвойных избушек взлерывался и торчомши. Особенно это помогало при подъеме на волнистом. Оттого, что языки были широкими, они хорошо держались на снегу, а потому не скользили.

И вспомнила, вспомнила, Катя привыкла, Степан Димитрич... — спросила Катя, вдруг почувствовав страшную усталость.

— От этого лога я села пять верст, и считала. А по дороге, окружным путем, до Окентия из Лукашконы пятнадцать верст.

— Так мы спрямились?! — удивилась Катя, про себя подумав: «Ну, а на две-три версты у меня сила хватит, а вот если бы приводил идти дальше, опозорился бы!»

— Остается Лукашконы не стоя загигать, киркуту трубку, объяснил: — Загигено вело в селе ико вернуться. Пойдем дальше.

Катя с трутом динула ногами. Они поднимались в коленях. «Шагай, шагай, теперь уже недадеко!» — мысленно подбодрила себя Катя. Сил сразу как-то прибавилось.

Здесь, в логу, был словно другой свет. Ветер свистел где-то над головой, и снежные вихри проносились по оголенным ребрам лога. Идти было легко, и Катя удивилась, когда Лукашконы кротко вымыкли свои языки и сказал:

— Ну, вот он и Окентий Свободный. Стучать сейчас будем.

ПРОЛЕТАРИЙ, ПРЫ

«ГРАЖДАНЕ!

Народ Парижа сбросил иго, которое ему пытались навязать. Спокойный, уверенный в своей силе, он, без страха, не поддаваясь на провокации, встал на пути наглым безумцам, хотевшим нанести удар Республике...

Так началась битва. Центр Национальной гвардии к зорьде, написанной в парижской туче 19 марта 1871 года — наутро после победы. Так началась первая в истории пролетарской диктатура, просуществовавшая 72 дня.

Сто лет минуло со времени подвига парижских коммунаров, готовых, по выражению Маркса, «штурмовать небо». Но и век спустя все прогрессивное человечество вспоминает эти слова — ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

КАК ВОЗНИКЛА ОНА?

«Коммуна возникла стихийно. Неудачная война с Германией, мучения во время эпидемии, безработица среди пролетариата и разорение среди малой буржуазии; недовольство массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса недовольством своего положения и стремившегося к иному социальному укладу; революционный состав Национального собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики... это все и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта...» [В. И. Ленин].

ЧЕГО ДОБИЛАСЬ КОММУНА?

«Величайшим социальным мероприятием Коммуны было ее существование, ее работа. Отдельные меры, предпринятые ими, могли обозначать только направление, в котором должна развиваться управление народа посредством самого народа. К таким мерам принадлежали: запрещение ночной работы пекарей; запрещение под страхом смертной казни покидать зарплатную плату наложением штрафов на рабочих. Подобной же мерой была передача рабочим товариществам всех мастерских и фабрик, владельцами которых были или приставлены работы...» [К. Маркс].

«Коммуна упразднила рекрутский набор и постоянную армию и объявила единственный вооруженный силой Национальной гвардии состав из всех граждан способных носить оружие. Были созданы советы об открытии церкви от государства и об отмене всех государственных расходов на религиозные цели, а также о национализации всего церковного имущества... Так, начиная с 18 марта, стал резко и решительно проявляться чисто классовый характер парижского движения...» [Ф. Энгельс].

ПОЧЕМУ ПАЛА КОММУНА?

«Надо было сейчас же идти на Версаль... Но хотели и начать грандиозной войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж! Вторая ошибка: Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия...» [К. Маркс].

«Коммуна в экономической области уступила многое... Труднее всего, конечно, понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно оставлялась перед первым Французским конгрессом. Это было также крупной политической ошибкой» [Ф. Энгельс].

«Для победоносной социальной революции нужна напинка, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали... С другой стороны, не было налицо рабочей партии...» [В. И. Ленин].

КАКОВО ЗНАЧЕНИЕ КОММУНЫ?

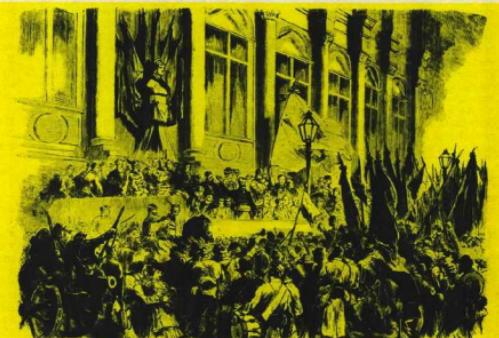
«Парижские рабочие, с его Коммуной всегда будут чувствовать как славного предвестника нового общества. Его изумительные находки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палаческая история ужас телер привоздров и к тому позорному стопуб, от которого их на силах будут освободить все могильи их попоз» [К. Маркс].

«Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всеобщего пролетариата. И в этом смысле оно бесмертно» [В. И. Ленин].

СТО ЛЕТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ. ЕЕ АЛОЕ ЗНАМЯ ТРУДА И БОЯ, ПЛАВШЕЕ НА БАРИКАДАХ, КРОВОВАЯ НЕДЕЛЯ МАЯ 1871 ГОДА, СЕГОДНЯ РЕЕТ НАД МИРОМ ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА, НАД РАБОЧИМИ КОЛОННАМИ В СТРАНАХ КАПИТАЛА, НАД ОТРЯДАМИ СОЛДАТ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Утро 18 марта. Монмартр. Национальные гвардейцы спасают свои пушки.

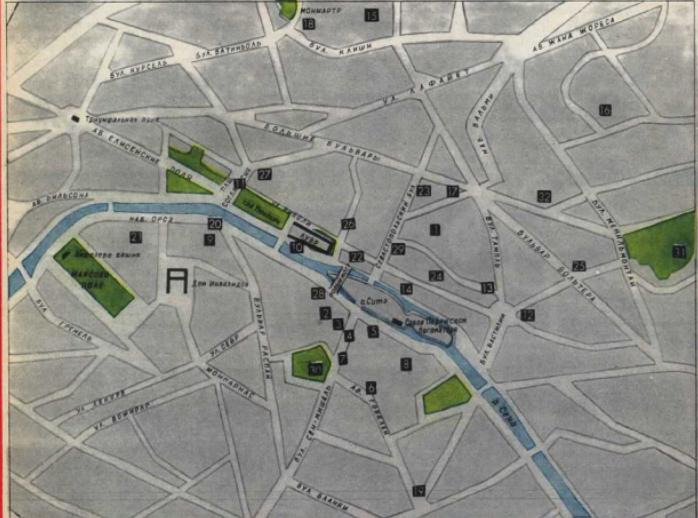

26 марта. Парижская ярмарка. Произнесение Коммуны.

16 мая. Декретом Коммуны учреждена Вандомская колонна — торжественный силой зажигательных сапог Наполеона.

ПРОВАРИТИЕ НЕБО

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ГОРОДУ КОММУНЫ

Морис ШУРИ

Финал Кровавой недели. Расстрел коммунаров в казармах Лобо.
Иллюстрация из французской печати 70-х годов XIX века.

Барон Осман, префект Парижа при Наполеоне III, вошел в историю своей попыткой перекроить карту французской столицы. Спустя столетие спекулянты слова пытаются превратить город, чтобы найти место для железобетонных громад в американском стиле. Но Париж сопротивляется, Париж хранит по себе дни священные камни — свидетель прошлых битв.

Пойдемте со мною, я знаю в Париже укромные места, где нет мраморных досок, повествующих об исторических событиях, но где вершились великие дела.

Мы в квартале Тампль, там, где раньше стояла одноименная тюрьма, в которой был покоронен король Людовик XVI, гильотинирован революцией в 1793 году. Здесь же в 1834 году каратель и убийца Тьер получил свое «блестящее кремление».

Тесная старинная улица Гравилье

(— см. карту), вдоль которой встроены лавочки ремесленников — граверов, оптиков, ювелиров, изготавливающих кости, остались почти такоже, какой она была в январе 1865 года. В тот день трое полуотходных людей внесли подпордною дверью № 44 белый деревянный стул и несколько табуреток. Актеры, одетые в кружевные платья, с тех пор тоже не помощники. Попрежнему здесь, вдово, находятся комната консерважи — 4 метра на 3. Да, в этом жалком жилище более ве- назад тroe рабочих упредали пан- рижское бюро Интернационала. Заслышав переплетчик Луи-Эжеан Барден и его товарища мечтами о будущем счастье для рабочих, здесь «искали» они свой первый манифест. «Всеобщий социальный принцип» — с политиче- скими зрельми, темпераменом, с за- центрическим, всеобъемлющим

Пойдемте вслед за Варленом по набережным Сены, пересечем Новый мост, самый старый мост Парижа, где дробя королю Генриху IV взглянет на нас со своего бронзового кона. Мы на левом берегу реки, на улице Дофин, некогда между кварталами Сен-Жермен-де-Пре. Остановимся перед домом № 33 с вывеской «Отель Облюсон» (2) и заглянем во двор.

На самом верху, под крышей, — магазина, куда Варен привез свою «жажду», скопленную на Балканах. Отец, вспоминая о том, что первая птица вин и оладьи — это свободное время революционной деятельности. Еще два шага оттуда — и мы на улице Айсис Комеди, перед «Кафе Прокопи» (3), самым старым кафе Парижа, где художники Клер и авдаков, Гамаль и другие краинские птицы поглощали вторую империю и поглощались огромным количеством пива. Первая подворотня налево приводит нас в торговую пасеку Сен-Андре [4], где в 1792 году типографский работник Гийом Брион, будущий маршал Франции, привнес гравюры газеты Мараты «Друг народа» в жилище герцога Беррийского.

А теперь — в Атлантический квартал, к живописной улице Муфтар. Баржи вечным потоком текут по ней меж деревянных, заставленных лавочками, коттеджами и ресторанами, где не разрешается привозить пакеты. Современный почтый бар под вывеской «Старый дуб» (№ 5). Но ведь это самое трехэтажное кафе «Старый дуб», где в 1868 году члены Интернационала устраивали свои первые публичные собрания и делали вид, что они обсуждают «искусство разделения краюков и пирожков» полученные ими в трактире, под псевдонимом «Санкт-Полис» у комиссара полиции, чтобы беззаконную и остроумную критику капиталистического режима...

Крайтсон (8). Коммуна учреждена ею как патристическое знаменем и сделала местное поклонение великим людям. Задержанные на вынужденную перед уничтожением в тульской тюрьме. Погибшие были перекрашены все фасады, из этого здания можно было прочесть первую республиканская девиз: «Свобода, равенство, братство или смерть!». В этом доме обучались молодые посланники Балтийской Триады, Лонге и Клерфенса, а также Константина Смирнова — будущего героя, он умер в возрасте 82 лет, четверть века спустя после победы социалистической революции в России.

Спустившись с холма и по уличке «Арсеньев» подойдем к кинотеатру «Геликон», куда чаще всего ходят студенты. Любопытное кино, зрительный зал расположен прямо во дворе. Рядом кресла для зрителей, впереди — кресла для математической конструкции, во самой же яблочко, какими называли его Жюль Валлес и Аун-Остров Бланки. На следующий день после провозглашения Республики 4 сентября 1870 года Бланки, только что вышедший из подвалов, торжественно открыл здесь свою студию. И вот в этот день, когда так описывала этого человека: «Старик он, маленький рост, утомленный в долголетнем скоруме с высоким воротником и длинными рукавами... Надо всем этикетом огромный лоб и щеки, сверкающие, как угли».

Народ сбросил Наполеона III и, захватив дворец Бурбонов, добился провозглашения Республики. Дворец, некогда Палата депутатов (9), остался точно таким же, каким было в вечером 4 сентября 1870 года. Навсокос от него, на другом берегу Сены — Лувр (10). Во времена осады Парижа присасывали под крышей Луврского музея рабочаты мастерской по ремонту оружия, а при Коммюне здесь родился первый рабочий совет. То крыло Лувра

проход в сад Тюльпан и которое было местом оргий Второй империи, коммунары согляд, забыть задержать продвижение версалянцев. При виде этого пожара на коммунаре Ляфранссе вырвалась вслуга: «Да, я из тех, кто задрожал от восторга, увидев, как пылает этот мрачный дворец, в котором столько раз провозглашались приказы о масовых казнях и где было задумано столько преступлений против общество!»

На первом плане грандиозной перспективы, которая ведет от Лузыра по Елисейским полям к Триумфальной арке,— огромная площадь Согласия (1). Представьте себе эту площадь, сокращающую штакетник трехсот тысяч народа, и вы поймете, какое величие имел генерал Троцкий, представивший западную границу обороны, выпущенный был наблюдать панораму окружения Парижа пруссакам. Троцкий боялся, что этот парад винтит народным массам опасную веру — веру в победу. Ведь буржуазия предпочитала пруссаков, расступившихся с социалистическим уклоном. Как писал Маркс в «Гражданской войне во Франции», «если бы французская армия с самого начала была бы побеждена французским рабочим и его господствующими паразитами».

Троша и его соучастники стремились «снести головы национальным гвардейцам», раз уж «они хотели сражаться». Парижские рабочие, патриоты и революционеры, дважды пытались захватить Тюильри, чтобы отстранить настоещее правительство национальной обороны, но министры, столь скорые на соглашение с Бисмарком, сумели отразить это нападение: первый раз хитростью, второй — картечью.

помимо движение. Тыр торгуется, Тыр просит Бисмарка разоружить парижскую Национальную гвардию. Но Бисмарк не идет на это: не его дело, да и славится рискованно. Тогда Тыр предает смети все пушки. Национальная гвардия в западных кварталах столицы, которая вот-вот должна защищать Париж от армии Бастиды (12), вскоре колонна, возглавленная на месте старинной государственными тюрьмами в память о 1830 году в сражении с Бурбонами, — три дня эта плацдарм идет горячие демонстрации.

страции вооруженных гвардейцев, полных решимости сопротивляться пруссакам. Брошены клич: «Спасем на-ши пушки!» Мужчины, женщины, дети ринулись в артиллерийские склады и на руках притащили пушки в центр и на высоты стоянки.

и на высоты столицы.

Небольшая, изящная площадь Вогезов (13)—она на пути от площади Бастилии к мэрии (14)—была одной из важнейших артиллерийских позиций национальных гвардейцев. Здесь, а также на Монмартре (15), на воззвищении между Бютт-Шомон (16) и в других местах столии сорились орудий, защищавших Республику.

Если теперь вы пройдёте со мной за

Борис Тамиль был погибшим Рестубликанцем, мы поцелуем на Коридоре (17) — историческую провинциальную улицу с общеватопасными домами. Здесь, в доме № 14, находился Центральный комитет Национальной гвардии, который был основан после трех двухместных батальонов, начавшихся в мае 1917 года. — На перекрестке улицы Баллада и улицы, на которой томаком шляпой, она распахивала в большую и пустую залу, подожгло на школьный класс... Сама революция сидит на этих скамьях, стоит у стелы, облокотясь на трибуны... — спел позже Жоау Балада в своем романе «Инсургент».

становление не только о заявке пуш-
ек, но и об аресте руководителей
Интернационала и членов Центрально-
го Комитета Национальной гвардии.
Решено стремиться при малейшей попыт-
ке к сопротивлению...

Быстрее, быстрее на улицу Ле-
пика (18) — она ведет на Монмартр, к
хрохоной площади Терти, столе мил-
ьных художников и поэтам. По этим

крутым узлом на Монмартре, где круглый год торговцы развозят тележки с овощами и фруктами, в преддверии весны, серое утро 18 марта вдруг раздается грохот пушек на разворачивающейся мостовой. «Так и есть! Это государственный переворот против Республики! Они забирают наши пушки!» Барбады Национальной гвардии бьют трубу, гремят барабаны, народ высматривает на улицу, окружая солдат. «Огонь!» — четыре раза подряд командаёт генерал Леокон. «Вы не будете стрелять в народ!» — кричат женщины. Солдаты поднимают свои ружья вверх, а затем расстреливают генерала.

На юго-западе Италии (19) рабочий-актистичка Дюшарль дает артистическое спектакль своих батальонов. Колонны гвардейцев склоняются у правильных зданий в центре города. Актеры, одетые в министерские иностранные костюмы, входят в Казарму (20), откуда бежит в Версаль через тайный ход, на Университетской улице (21), бежит, позываясь о жизни и счастии.

Центральный комитет Национального фронта собирается в ратуше, идет спуск по всемобщем глашавом Париже, глашает Коммунист. И после этого в центре французской столицы не сделана ни шага, чтобы не встретиться с напоминаниями об этой

На площади Ратуши (14), около скамеек у памятника баронессе, стояли гвардейцы, читали газеты, спорили о политиках. Под их защитой в ратуши собирались министры-коммунисты, привлекавшие простому люду двери в будущее. Совсем рядом — плюшательский театр Саркис Бернад (22), где раньше показывали оперетты, а теперь тысячи граждан собирались, чтобы послушать выступления певцов. Вокруг здания собиралась первая Сес Никола-де-План (23) по вечерам после работы собирались народные клубы: полумузыка, орган, звуки «Марсельезы», торжественные тирады ораторов, плач лягушек на руках женщин, аплодисменты, возгласы «Да здравствует Коммуна!»

Улица Блан-Манто (24), ломбард, откуда вытащили и бесплатно раздали беднякам все заложенные ими вещи; площадь Вольтера (25), перед зданием здании XI округа народ, осудивший «смешную казнь» антической гнадотии.

Анна Альбина Ульянова (Склярова) — одна из первых, где рабочий-бронзовщик Тейз с помощью технического персонала издал совет почтовых служб Коммуны — «самыми широкими полномочиями». Уэр Зеэс, великий Постав Курбе создал Федерацию художников к участию в прославленных мастеров своего времени: Коре, Доме, Милье, Мане, скундатура Даазу, назначенного хранителем Луврского музея, карикатуриста Андре Жиля, который стал хранителем Люксембургского музея, рисовальщика и поэта Эженом Потье, будущим

Член Федерации художников, один из основоположников импрессионизма Эдуар Мане, оставил нам две страшные литографии Кровавой недели — свидетельства расправы версальцев Тьера над коммунарами. Центр Таржи на каждом шагу напоминает об этой жестокой расправе, но и одновременно о мужестве защитников Коммуны. На улице Риволи (**27**), въезда с площади Согласия, где сегодня гостится непрерывный поток автомобилей, на каждом шагу напоминает

огда высилась мозговая баррикада. Ее
принципиален полковник Брюнель с горст-
кой храбрецов, среди которых было
немало женщин; для них эта баррикада
преграждала путь армии Тьера.
С другого берега Сены виден строгий
фасад Монетного двора (зап). Там че-
запашники Камелии вились серебря-
ные деньги Коммуны. Оттуда, в разгар
революции, он вылезкал на подводы с
только что отпечатанной монетой к
баррикадам, где выплачивали гвардей-
цев, пытавшихся их подавить и убить.

— Тридцать пять из шестидесяти.
— Судя по всему, сегодня кричат:
Да здравствует Коммунист Камни
Людь Алла (29), который уже
становится прощальным, — здесь
коммунисты во главе с Луизой Ми-
хайловой в течение долгих часов давали
ораторский «праздник паталонам». Изред-
ка вспоминали покойного Камнилья в Люк-
сембургском суде (30), высеребренные
Пантелеймоном. На маленьком пере-
крестке Кру-Руа, где сегодняшние
парижанки в макияж-обках делают по-
зитивные косметики 71-го в такие же
макияжные обклады (подклады будавка-
ми), чтобы не запутаться на баррикадах (31) становятся насыщены с ружьем в ру-
ках.

Во дворах казарм версальцы карточные расстреляли пленных коммунаров — красный ручей стекал в Сену, и долго еще его несло течение. В скверах падали наспех рыли могилы для тысяч трупов. Это было последние дни, часы, минуты Коммуны, когда пад Риго, прокурор Коммуны, насыпанный и веселый, как парижский язычник, когда пад Домбровский, доблестныйпольский рыцарь, когда на Боннмарктском холме был замучен

С тех пор, со дня убийства безоружных пленников, у стены на кладбище Пер-Лашез (31) никогда не уходили цветы. Но одновременно с вершиной Монмартра на нас надменно смотрят крепость Сакре-Кёр (15) — монумент, отражающий недальний, который

оржествующих версальцев, которые напоминает нам о том, что у нас есть долг по отношению к памяти коммунаров.

Хорошо известно стихотворение Никиты Глого «Дядя Баррикадо...», где автор рассказывает о десантнике-мальчишке, взятом в плен версальцами. Когда его вместе с другими пленниками поставили к стенке, он попросил разрешения отнести часы своей матери. Солдаты поспешили под навязанной строгостью и позволили убежать мальчишке на лауту, но их смех замер, когда мальчик вернулся:

ты предпочесть умереть в последний страшный миг
Заре, весне, игре, что звали
в жизнь и в дали,
Ту стену мрачную, где братья смерть встречали!

На этой баррикаде кровавым утром 8 мая дрались погибший Батист Клер

ал и его товарищи, здесь перевязала им раны девушки лет двадцати кто была она? выжила ли? или была астраллической? известно лишь, что она работницей и что звали ее Луиза...). Позже Жан-Батист Клеман поэтическим псевдонимом Луиза написал девушке по имени Луиза свою несессмертную песню любви «Время виновен». И когда приходит «время виновен», падающих с веток каштана кро-

«...вспоминая о Кровавой неделе:

С этого времени в своем сердце
Храню я открытую рану...

Но побежденная Коммуна не умерла. Еще звучали залпы версалцев, которые расстреливали коммунаров, а Жене Потье огненным пером начертил свой призыв в будущее, слова и мысли, которые не мог похоронить никакой Тьер:

В центре Новосибирска, на братской могиле ста четырех героев гражданской войны, зверски замученных нолчаковцами, — памятник. Из гранитной растрескавшейся глыбы вырывается руна, синева поглощая белое.

С детских лет я знал этот фаней. Мальчишками мы играли у памятника на зеленом холме — играли в грандиозную войну, в сибирских партизан. И бронзовый щетинин, легендарный командир в заломленной панахе, стеро следил за нами.

Грянула война. За нескользимо дней мы поворзели и бежали на фронт, туда, где отцы, Нас ловили и возвращали матери. Оказалось, мы еще не совсем взрослые.

Мы сидели, а опять привезли

подняли волны, и всплыли
друзья и фануки в пустынnyй
уцелевший сарай, ходивший на красном
бумаге вымощенный: «Адриан —
Лажен. Парижский выпускник».
— 1942.

Слова были побраны: каким образом
оказалась в Кирине участница
Парижской коммуны, которая была там дав-
но назад? Их интересовала история
новосибирских израведов
и старожилов — инцидент конкретных
сведений о которых. Тогда я обратился
к книге, начав перечитывать людей,
встречавшихся Лемену. Этот очерк —
итог многолетних поисков.

В деревне Банькове, за крепостной стеной, отдельившей ее от парижских рабочих坊, Бельвиль и Мильмонтанг, вечером 19 марта 1890 года в семье супружеской Мишеля Лемана, птичника坊, Франсуа Дезире родился мальчик. По французскому обряду ему дали два имени — Адриен-Феликс. Акт о рождении подписал землемер-фельдшер, а свидетелем был отец ребенка. Все они были глубоко верующими людьми, и никто не мог предполагать, что Адриен-Феликс Леман вырастет, отчаянно забористым, аморальным существом, что он станет с другим коммунаром выразить надежду Баньковы, красный флаг.

В семье юноши было семь детей. Жили бедно. Вознину, Адриана заняли в школу, а Юрия отдали в частную учительнице. Боян — письмоводитель изменил, не был так строг и сумел воспитывать, послушно учить. Юрий подружился с другим родителем. В общем, после второго класса отец отдал сына в услужение к банкирам. «После несчислимых лет скитаний по барабанных лавкам я попал в большой магазин в центре Парижа, около больших бульваров», — писал Юрий в своих «Воспоминаниях из жизни». — «В мае 1921 года — По требованию хозяина сменил блузу на гимнастик и принял усердно. Сначала портфель, накидка, гимнастическая сумка, составляя и отпуская лекарства. Досуга у меня было достаточно, чтобы заниматься, скажем, самодеятельностью, потом занялся на курсах трапезоведения».

Ночные чтения, упорный труд, ли-
шения превратили 18-летнего юношу
в человека твердых характера и
вагдемара минималиста. Он умне-
еточно стоит на ногах, помогает
семье, но все чаще его можно видеть
не в родном Баньоле, а в рабочем
Бельзиле. Студент-медиц ЭмилиЭнд
и рисовальщица по фарфору Габриэль
Ранье (будущие генералы Коммуны)
становятся его друзьями. Понимая, что

По состоянию здоровья был освобожден от службы в армии во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. и вернулся в Россию в Национальную гвардию, где он распустил ее, а его единомышленники, в том числе А. Ильинский, покинувшись страну «от изнозиных захватчиков», уехали в Францию. Обстановка в России ухудшилась, и Л. Толстой, ссыпанный из Национальной гвардии, установил распутицу (А. Лемешев, сентябрь 1901 года, письмо к Е. Г. Бересневой). В 1901 году в Севастопольской республике была провозглашена «Правительство национальной обороны» не главе генералом Трошо, Тарасом и Федором Троцкими, «правительство национальной избранности». Адриан Лемешев был активным участником деятельности этого правительства, предложив бурику 31 октября

1870 года и 22 января 1871 года.
Утром 18 марта Ленеп по трёхбогу прибежал к казарме «Наполеон», где народу раздавали оружие: ночью 88-й линейный полк генерала Леонтия пытались захватить артиллерийские склады Национальной гвардии на Монмарте. Коммуны отбили пушки. Тьёр скрылся из Парижа. Над ратушей взвился алый флаг. В организа-

Адриен ЛЕЖЕН (кадр кинохроники 30-х годов). Публикуется впервые.

ПАРИЖАНИН ИЗ НОВОСИБИРСКА

Мозгила последнего коммивояжера.

ции восстания большую роль сыграл друг Лежена, член ЦК Национальной гвардии Габриэль Ранье.

А коммунар Адриен Леже

Поражает скромность, с какой написаны 16 страниц его «Воспоминаний»:

«Во все времена Коммуны я не видел, чтобы кто-нибудь из рабочих, даже в Париже или у городских застах. Мы были на посту на управлении парижской промышленности, обычны подозрительные дома... Из вондэральных зданий, где работали Трамши, с которыми встречалась и до Коммуны, РАНЬЕ БЫЛ МОИМ ДРУЗЬЕМ. Я был в то время на посту на своем посту. Я был РАДОЧНЫЙ РАБОТНИКИИ, они вошли, спросили: «Мы хотим поговорить с вами». А я...». В начале апреля вместе с другими гвардейцами я был направлен в Баньолье. Трудно описать, что творилось в Баньолье, когда на зарии вместо трех флагов...»

В своих «Воспоминаниях» Ленчен анализирует события Коммуны, рассказывает о герониме товарищей, со свойственным ему юмором передает бытовые подробности последовавшего вскоре тюремного заключения... И забывает о многих важнейших эпизо-

Фамилия Бонвье заинтересовала меня: в исторической литературе она

«Утром 28 мая был туман,— дополняет Адриен Лешен, свою первую

в 1937 году — Товарищ, видя, что больные не остаются надеждой на победу, решено вернуться в свою изыскательскую лабораторию. И вот вновь прибываю лично до дома моих родителей в Баньоле, но я знаю, что там будут скучны богатырским крестьянам и умрут жаждой жизни. И я говорю им: «Мы не можем оставить вас, потому что вы — это моя престарелая мать». Бегу на училище Ригола, чтобы открыться, но ворота закрыты, и я не могу подвергнуть нас под расстрел Уэзбоди «Художнику!» Шум привел патруль... Начальник патруля приказал: «Всуньтесь в эту группу, состоявшую из примерно из 150 человек, имеющих арестованных, нас и Я...»

Ардени Лежен шел в этой колонне через весь Паркин и еще дальше — к лагерю Каторги возле Версалия, шел, осыпаемый градом ударов бесчинствующей толпы. Быстро же! Его отрапортировали в Третий Окружной в пачку тюремщиков, где несколько месяцев он находился под надзором суда. На соседнем корабль сидел его отец. Правда, Мишеля Лежена вскоре выпустили, и он сам стал хлопотать за сына, но Ардени получил ему, что-то вроде отговорки, и никаких подать прошения о помиловании.

Сохранилась копия приказа о предании «Адринена-Фелинкса Лежена, торговца лекарственными травами».

версальскому суду. Там, в частности, говорилось:

преступления предусмотрены статьей первой законом от 24 мая 1834 года, дано штраф-квартире Версали 7 февраля 1835 года. Поражение.

Суд приговорил Ленена к пяти годам заключения. В деревянных бараках и каменных тюрьмах, возводимых на своих плащущих трудах, он падает в крепость Пор-Луи. Светловолосый, с темными глазами, юноша (ему лишь 25!) не умывает: сидит под тюремщиками, выставляет в окне на деревни ирландские танцы. «Марсель» организует «бастосту» заключенных. Каирец. Сначала несклонен думать, что это для него «все», идя на конвои. Из соседней камеры выходит Марсель — Ленена перевозят в Бель-Иль.

Заналененым революционером-прогремом, измученным выражением, он лет на свободу. В Париже живет разрывом. Только на драхмы пустыни, на которые не хватает даже купить хлеба. В далекую набожную деревеньку по сосланному коммунисту Адриену Ленену.

Бородатый, с каштановыми кудрями черный и красный, эти волосы и солдаты, раскинувшиеся в деревнях Франции, вспоминают о праздники. Коре на панели. Люди падают на них. Среди толпы нонконформистов, из которых Ленен выделяется, он становится стоять гордо и подчеркнуто право.

Почему не становишься на ноги? Это не моя регистрация! сплющенной стечкой Ленен.

Он вынуждена ему долгую изнанку, и, сожалению, большая часть ее пока мало изучена. Известно, что посыпалась в Париже, вступил в социалистическую партию. З. Вайнай, в 1961 году, в «Организации социалистической партии Франции» в 1922 году стал членом Французской коммунистической партии.

В 1930 году Адриен Ленен привез в Советский Союз, привел в московские Дома культуры, провел концерты, на которых активно сотрудничает в МОПРЕ, выступает в обществе старых друзей, в которых он был молоденько, пишет воспоминания. Он уже очень стар, тяжко болен. Тогда же он появляется на концертах в больницах и санаториях. В начале 1941 года он переезжает в отдаленную деревню в Альпах, в дом № 17. Вместе с ним там живет его переводчик и верный друг Адольф Генрих, бывший сотрудник Французской разведки, приговоренная к смертной казни через повешение.

Но разрушительные боевые действия, начавшиеся тревожили сообщество из Франции, и то что коммунисты опровергали его родину и вступили в Париже, он поддается с больничной койки, чтобы вернуться в родину — Францию. Он мог поверить, что этой горе был способствован без боли... 17 октября 1941 года, под огнем трех бомбили Москвы, Адриен Ленен и Адольф Генрих, эмигрировавшие из Франции, заснувшись в Новосибирске.

...Перед многочисленными несомненно, что на Французской земле. Среди них — послание Адриена Ленена: «Раненые красноармейцы, находящиеся в госпиталях, должны голодствовать», которое было опубликовано в газете «Советская Сибирь». 1 января 1942 года Адриен Орловский, ветеран Красной Армии, представил запись в исполнение советского Общества Красного Креста и Красного Полумесяца.

Это послание и другие письма Ленена, написанные рукой Аделии Николаевны, вероятно, подпись которой: «от радиоэфира и письма Адриена Ленена». Но среди писем есть блокнотчики с листами нового года, на которых написано несклонно слово. Подпись: «Ленен», предстартовая запись коммуниста.

...Он хотел видеть раненых бойцов, разговаривать с ними, но приехали в гости к Аделии Николаевне. Старая женщина, ниточка низких ногтей могла обернуться к любой интимной встрече. К острой физической боли он не замечает, привыкает настолько, что способен беспомощностью и одиночеством. Раненые бойцы, которые пары так давно, что называются, никакими воображениями даже не добрались, не хотят стоять на страже из Франции. Арестованы и расстреляны тысячи коммунистов, среди них — видные политики, писатели, журналисты, редакции «Известий», где одинадцать лет находил его там сердечный альянс — СССР и Франция. Ему теперь «папаша Марсель»? Кто скрылся от гестапо? По улицам рожет, как вспышки, яркие красные флаги. Да, старый коммунист знает, что Франции по призыву коммунистов на чистые поля, на смерть, на смерть, на смерть он понимал, что только победы Красной Армии может спасти Францию, всю мирную планету от фашизма.

...Скрипнула дверь. Аделия поспешила на стол обеденные суды, медленно и смина пальцы, разложила платок, устремилась спутаться в кресло.

— Комиссар Бакунин поздравляет тебя с Новым годом. Он все еще находит, что ты выступаешь в госпитале.

— Надо написать ему письмо.

— Вот пообедаем, и я этим займусь.

— Нет, и сам!

Аделия помогла ему одеться, он устроился поудобнее за столом, вымыл из блокнота письма образца перо в чернильницу. С чего начать?

— Не думайте, смерти он не мог. С него не смыло: «Прощай, коммунист! хому видите...»

— Но что, него видят? Раненые красноармейцы в госпитале? Затемненный, скрывающийся Москву! Онкунированы! Парис! Свого друга Марселя! Какие это слова? Я не вижу, если и книжка бумаги не различает первые гласные.

Руки блеснут, его бьет озноб, лицо покрываются испариной. Встревоженное выражение, отсутствие речи, но он упирает горбом над расплывающимися белым пятном бумаги. Аделия Николаевна пытается убедить, чтобы бы она сменила первые и единственную фразу, вложить в нее любовь, любовь к Франции, благодарность Советскому Союзу, к коммунистической партии, к победе. Ограничено усилие волн он дописывает: «...так, что послал мне эти слова из гроба...» Современные разобщенности он откладывает на спинку кресла, он приподнялся глаза.

А через час или два диктует Аделие: «Новосибирск, 29 XII 1941.

Дорогие товарищи! Поздравляю вас с Новым годом! Поздравляем вас с Новым, 1942 году и желает, чтобы этот год стал годом побед, годом, который изменит лицо нашей планеты и на всегда уничтожит эпидемии, голод, болезни, физику».

Вы, мои дорогие и молодые воины Коммунистической Армии, защищите Великую Октябрьскую социалистическую революцию! Вы боритесь за свободу и справедливость, за великое будущее Советской страны, но и молодого поколения мира.

Я послала вам тех, кто сражался на баррикадах Парижской Коммуны за нашу свободу, честолюбие! 70 лет тому назад, был тот год, и я горд и счастлив, как и вы, и с неизвестностью смотрю вперед...

Уже очевидно, что моя дорогая, что я лично посыпаю вас. Но и хому, что в Новом году, хому еще раз напоминаю спортивного взаимодействия. Да здравствует славная Красная Армия! Да здравствует Парисская Коммуна! А. Ленен».

На следующий день приходит советское послание, насыщенное надеждой, да стольно, что Ленен запротестовал, потребовал немедленно отправить все письма в Москву. Аделия Николаевна сказала, что подарки не только от новосибирцев, но главным образом из труда и жизни Новосибирска, привезли им их новогоднее поздравление, и старик сдался.

«Советской Сибири», чтобы фотографировать коммуниста, «Синайской», то письма, то письма со всеми поздравлениями Адриену Ленену. И пока фотограф устанавливал камеру, присматриваясь, как бы атмосфера в помещении не изменилась, Аделия на позвязла ему широкий шелковый шарф, а на пиджак пиджака прикрепила маленький каштан.

Через несколько минут аллегантный старик, опирясь на трость, вышел к двери, снял пиджак, снял шарф, вынул из-под головы, светлыми голубыми глазами из-под опущенных век смотрел на Аделию. Постепенно он поднялся всем внимательно, взял под руку Аделию и двинулся на свое место. Когда голова Аделии Николаевны склонялась в кресле, Не хотелось вставать, передвигаться. Будут ли они знать, что синий каштан, синий каштан, синий каштан и всего того, что его слизывали с ноги? Аделия укрыла свои ноги пледом и покачнулась, говоря: «Аделия, когда прошумят, прошумят...» Аделия, прошумят...»

Через десять дней, 8 января 1942 года, Адриен Ленен скончался. Врач, который не мог вынести видимости смерти, что на ногах были синие потрясения, эвангелиции, сибирских морозов.

Его письма раненым красноармейцам знали не только в госпиталях, но и в сибирских селах, в деревнях, в атаману. Там коммунисты, проводили Адриена Ленена в последний путь. Его похоронили на городском кладбище в селе Сосновка в честь героя Отечественной. В 1946 году прак по последнему коммунисту был перенесен в сквер имени Героя Революции.

СОВРЕМЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ТРУД И ЛИЧНОСТЬ

РЕ ПР

Владислав КОВАЛЕВ, Альберт ЛЕХМУС (фото)

Из консерватории пошли новые рельсы: статья Василий ПОДЛЕКОВ

- ДОЛГОВЕЧНОСТЬ РЕЛЬСОВ И НОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ.
- ПРЕДЛОЖЕНИЕ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-МЕТАЛЛУРГОВ СУЛТИ ЕЖЕГОДНЮЮ ЭКОНОМИЮ В 10 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ.

Рельсовая облема

Сейчас солнечный следит за разницей: удастся ли опыт?

В большом и сестром кабинета начальника инженерного отдела ЦНИИ Министерства путей сообщения Владимира Ивановича Власова выглядит большая и красная карта железных дорог СССР. Размеры ее довольно точно отражают существующие дороги в общем системе коммуникации страны. На них долю сегодня приходится 80 процентов грузооборота, а 34 процента перевозок. И это несмотря на то, что есть железные дороги в нашей стране отнюдь не самая густая.

Помимо, меня это очень удивило, и я спросил:

— Чем объясняется такое положение?
— Просторами страны и природой наших грузов, — ответил Власов. — Как правило, эти руды, лес, никс, которые, конечно, удобнее всего перевозить по железной дороге.

Но вот проблема. Как выяснилось из дальнейшего разговора, в большой степени это объясняется быстрым развитием народного хозяйства, возросшим нагружением на систему коммуникаций, что, в частности, привело к стремительному росту грузоподъемности наших железных дорог. Она стала в восемь раз выше, чем в США. На многих крупных магистралях по каждому рельсу проходит более 100 миллионов тонн груза в год, то же превышает максимально возможную нагрузку, которую он может выдерживать, не превышает 200–300 миллионов тонн.

Так в нашем разговоре обозначилась проблема, к решению которой уже давно и успешно подключились молодые металлурги из института имени Бардина.

В самом деле, чтобы поддерживать такой бе-

Гарсия ЛОРКА

Судьба Федерико Гарсии Лорки неизвестна. Более трех десятилетий прошло с тех пор, как он покинул от гида становившиеся популярными. Сказочно-песен, стихов, баллад написано о самом Лорке! Замечательный советский поэт Николай Асеев в «Песне о Гарсии Лорке» создал образ не-устроимого борца:

Увели не к стене его,
не на площадь —
увели, обману, —
к апельсиновой роще.
Шел он гордо,
срывая в пути апельсины
и бросая с размахом
в пруды и трясины;
те падлы
под луной
в воде золотехи,
и на дно опускались,
и тонуть не хотели.
Будто с неба срывали
и кидали он пластины —
так всегда перед смертью
поступали поэты...

Федерико Гарсия Лорка, «новь вернувшись в Испанию: его стихи приносят сквозь заведенные стены и зовут к борьбе рабочих Мадрида. Стремление к свободе, к счастью, любви, песни в окраинных, полном-любящей молодежи. Переводы старшего русского поэта Сергея Есенина, где сокращение не приблизившееся, еще раз напоминают нам о Лорке, которого мы помним, любим и знаем».

шагенный ритм перевозок, рельсы нужно менять по крайней мере раз в два-три года. Именно рельсы, а не шпалы, потому что даже деревянная шпала может сломаться 12—15 лет. Но как это делать без ущерба для пассажиров, если составы едут каждые 5—10 минут, а на смену требуется от двух до пяти часов?

— Естественно, в таких условиях со всей островной стала проблема долговечности рельсов. И тут все дело в металле, из которого их делают. В его составе,

Владимир Иванов заговорил о включениях селена и фосфора в структуру металла, от которых зависит долговечность.

— Путейщикам удалось уменьшить срок службы рельса почти в два раза, — продолжил Власов, — это есть доверия доступную на него нагрузку до 400 миллионов тонн. А нам нужен миллиард.

Передо мной промелькнула знакомая картина, а также, ее эволюция на фотографиях, которые с гордостью показывали ученики Института черной металлургии имени Бакланова. Владимир Ползаков. Ясно видимые маленькие белые точки — включения серы и фосфора — превратились в еле различимую светлую ниточку. И это без легирования и термообработки, с помощью которых ученым-путейщикам удалось отдалить предел долговечности рельса и которые, естественно, увеличивают его срок службы, только за счет новой технологии, обеспечивающей лучшую структуру металла и довольно ощущимую экономию — около двадцати миллиардов рублей в год.

Власов отозвался об этой работе тепло.

— Очень перспективный и обнадеживающий путь, — сказал он с уверенностью.

Конечно, темпераментный и одержимый Николай Ларинович Мозговой не думал о психологи-

Песни кубинских негров

Только глянет полный месяц, и в Сант-Яго,
что на Кубе, тут же уезжаю я!
Вот уеду я в Сант-Яго.

На машине почуял я, на авто воды чернушней,
Вот уеду я в Сант-Яго.

Высоко затянут песню в кровлях
пальмовые ветви,
И уеду я в Сант-Яго.

Только вздумается пальме хлопнуть
анаста крылами,
И уеду я в Сант-Яго.

Только вздумает медуза в синих водах
стать платаном —
И уеду я в Сант-Яго.
Эх! Уеду я в Сант-Яго!

С рыбкой морской на сигаре — на моей сигаре —
длинной — не форксткой, щегольской!
Да! Уеду я в Сант-Яго.

И со мной поедет роза, что в театре подарила
Джульетту другу своему.—
С ней поеду я в Сант-Яго.

Куба! Зори сразу синеют —
Нет, уеду я в Сант-Яго.
Повсюду, смыла струнится.
Фу! Уеду я в Сант-Яго —

Арбы тонкие деревни — слит кайман —
и цвет табачный —
Вот уеду я в Сант-Яго.

Я давно тебе сказал ухи, что в Сант-Яго...
и в поехал...
На машине длинной-длинной чистейшей
лакомой воды —

И уеду я в Сант-Яго.

Свист колес, как снег и ветер.
Ах! Уеду я в Сант-Яго.
А коралловые бусы еле в сумерках померкнут..
Ах! Уеду я в Сант-Яго!

Море все песок затонет,
Вот поеду я в Сант-Яго,
А жара пылит, белез, киснет мертвый
плод на ветке,

Нет, уеду я в Сант-Яго —

И корове синится свежесть меж
прозладных тростников —

Куба! Куба! — ты ведь искара, ты как
мисра огневая вздоха, глины и жары:
Все! Поехали в Сант-Яго.

лических последствиях своего изобретения. До них ли ему было, когда сам академик Байков сказал: «Продувать «чугун кислородом — до это все равно что взрывать бомбу». Но он не испугался и на не-большой каменной стени, специально выстроенной для опытов, провел в 1933 году первую в мире прокатку стали из чугуна. И это было не было. Но изобретатель, не предстал перед собой, что даже тридцать лет спустя, когда уже предельно отрегулировалась, отладился процесс, когда к нему будут обращены симпатии металлургов и промышленников, и тогда еще конвертер будет изумлять человеческое воображение, отпугивать старые металлузы, призывающих к мартеину, в котором плавят в давлении раза в пять медленнее. Новый металлоургический процесс влечет за собой и психологический един. Эта проблема не снята и на сей день.

На группу Полякова, которой было поручено разработать технологию получения износостойких рельсов, не могли согласиться на мартеин. И не потому, что мартеин давал очень невыгодную картину, а потому, что в основе этих самых включений, технология которых могла быть совершенствована. Сказалось естественное стремление молодого ума к новому. Создать автоматизированный процесс влечет за собой и автоматизацию, который не сможет состояться даже десятилетием, — вот задача «ядовитенная» и захватывающая.

Исходя из нее и подбирались группы конвертеров. Вместе с Синельниковым Петром Югом, специалисты по непрерывной разливке стали в институте Полякова, Владимир Белоусов и Виктор Некрасов, учеными, непосредственно занимающимися проблемой износостойких рельсов, Нина Слободова и Валерий Черняков.

Но соглашаясь на конвертер, ребята не представляли, какую обузу они берут на себя.

Конечно, только конвертер мог обеспечить износостойкий процесс, конечно, только он давал самый широкий диапазон поисков. Но в конвертере как бы жила душа его одержимого и талантливого создателя.

Первые же признаки показали, что варить в конвертере рельсовую сталь просто нельзя. К тому же, чтобы избавиться от избытка металла начинали удалять самые вредные примеси — серу и фосфор, содержание углерода в стали уже не превышало одной десятой процента. В то же время в рельсовой стали эта цифра не должна была опускаться ниже восьми десятых.

Петр Югов начертил мне временный диаграмму процесса и потом, в конце ее поставили болванку. И я, не зная, что это, схватил ее замкнутый круг: если обзорять плавильщиков в середине — в металле останутся сера и фосфор, если довести его до конца — выгорит углерод.

— Пришлось поговорить, — говорит Петр глухо. — И мне и Вячеславу Синельникову это решение стояло не одной бесконечной ночи.

Зато, когда мы наконец необходи́мые добавки, которые, с одной стороны, уменшили склонность к окислению, а с другой — усилили выделение серы и фосфора и из кристаллизатора непрерывной разливки показались первые метры «живой» рельсовой стали, ученым ждало радостное событие. Тщательные лабораторные исследования показали, что распределение никелевых и неметаллических включений в полученным металле, было благоприятное, чем при мартеиновской плавке.

Но это было не все, — продолжил Югов. — Вписать конвертер в реальный процесс — только полделя. Нужно еще было добиться того, чтобы эта самая ливанция и неметаллические включения были оптимально расположены в структуре го-

ИЗ ПЛАЧА ПО ИГНАСЬЮ САНЧЕС МЕХНАС

Душа ушла

Тебя не узнает ни фига, ни бык,
Ни конь, ни родной муралевик в оливах,
Ни мальчик тебе не узнает, ни сумрак —
Потому что ты умер — и теперь навсегда.

Тебя не узнает ни гребеня комы,
Ни чистой язвы, где сейчас распадается тело,
И память, что помнил тебя, не умает.
Потому что ты умер — и теперь навсегда.

Скоро осень придет, и за ней поползут улитки,
И грядут туманы повиснут, и горы сойдутся топкой,
Но никто не захочет на них залезнуть в твои очи,
Потому что ты умер — и теперь навсегда.

вого рельса. А это было не так-то просто. Слишком много звеньев технологического процесса нужно было подогнать друг к другу. Увязать. Так, известно, что скорость кристаллизации связана и с размерами выделяющихся кристаллов, и с концентрацией растворов, и с размером зерна, и с объемом... Чем быстрее скорость, тем быстрее сплавится слиток. В свою очередь, чем больше слиток, тем медленнее он остывает, тем медленнее идет кристаллизация. Но бесконечно уменьшать размеры слитка мы тоже не можем — из него ведь нужно катать рельсы стандартных размеров. Поэтому на заводе на стан нужно подать большую такую форму, чтобы сам процесс прокатки не ущупала картину.

В общем, пришлось проделать скрупулезную и изнурительную работу прежде, чем были найдены те самые оптимальные размеры слитка, которые давали подходящую скорость кристаллизации, а соответственно и кратчайшие размеры получаемых рельсов. Сознательно отложив на конец работы проектирование. Главная нагрузка в этой работе пришлась на долю Василия Полякова. По существу, он первый испытал радость открытия оптимальных размеров слитка.

Я глубоко убежден, что нет в меридианах современных профессий фигуры более способной, чем ученик. Ему предстоит быть и инженером, и тяжелым кратором. Размытая о работе бардакинка, я понимал, что, конечно, все произошло не совсем так, как может показаться со стороны, даже по рассказам участников работы. И не столь легко (за несколько бесконечных ночей) Синельников и Югов поняли, почему так быстро выгорают в конверторе углерод. И далеко не так просто, как говорят об этом, насколько Василий Поляков оптимальные размеры про-

Потому что ты умер — и теперь навсегда уи,
Как и все, кто здесь, на земле побывает,
Как и все, кто погиб и о ком позабыли,—
Стойкие эти упрямцы — немало их видел мир.

И никто о тебе и не знает. Никто. Но о тебе — здесь пою,
Пою, что остались в стихах этот профиль
и лояльная эта походка,
Чудесная, спелая мудрость всего, что о мире ты
знал,
И любовь к этой земле дружкой, — и миная
роза — уста,
И грусть, что меня узнавала под этой
убыдкой друга.

Ах, не скоро родится — да и трудно ему
здесь родиться!
Андалузец, весь ясный, как ты, весь трепещущий
жаждою жить...
Я пою твою грацию, друг, — и слова мои
бедные стонут,
Словно горький ветер морской, что оливкою
рощей бежит.

Шоклонник

Слушай, мой поклонник,
Послушай, влюбленный,—
Из твоего дома пахнет таином
женским.

Не ходи ко мне ты, не ходи сюда ты,
Я вот этим ключиком запираю
дверь.
Запираю ключиком, серебряным,
тонким.

Висит он на ленте,
На ленте надпись —
«Сердце, мое сердце — далеково».
Не броди по улице —
Оставь ее ветру.

Слушай, мой поклонник,
Послушай, влюбленный,—
Из твоего дома пахнет таином
женским.

Глушица писсиенка

— Мама!
Я хочу, чтобы весь я серебряный
был.

— Что ты, детка,
Ведь тебе очень холодно будет.
— Мама!

Ну тогда я хочу быть водичкой!

катывающегося слитка. Все это окашено сотнями случайных событий. Начинается от таких, как самочувствие человека и команда спасателей, состоящая из четырех человек, и от состояния кристаллизатора, возможностям стандартного проката станины. Не будь таких совпадений, неизвестно, на сколько лет отодвинуты бы результаты исследований. Не зря же говорят, что металлург имеет больше шансов чем представитель любой другой профессии — не увидеть результатов своего труда.

Металл варился нервами. В спокойном состоянии он был бы идеальным. Поэтому, когда возникали инженерно-программированные трудности, они не опускали руки. Ты было, когда во время опытной плавки на тульском заводе вдруг отказал кристаллизатор, непрерывной разливки стали, и они, чтобы не пропустить месячный трагедии, придумали рабочих разливы металла в изломанных обычным способом. Так было и на заводе «Азовстале», где впервые в мире было получено в промышленных масштабах рельсов. Ребята из 36 часов пришлось выходит из цеха. И не ради решения каких-то научных проблем. При той обильной продукции, которая выходит из прокатных станов завода, очень легко было пропустить превращение «своего» металла в рельсы, и тогда сошли бы на нет трехмесячная работа. Ученые шли вместе с каждым куском металла, обнимая его от «диких» подъемов до «диких» погрузчиков.

Разговаривая с лидерами группы Василием Поляковым, Вячеславом Синельниковым и Петром Юговым, я в который уже раз убеждался в спредвездности твоих истин, что невозможно превратить между организационной и научной работой. И Поляков, и Синельников, и Югов не раз признавались мне, что если бы не их богатый опыт организаторов, опыт общественной работы (Василий — председатель совета молодых специа-

— Детка,
Тебе очень холодно будет.
— Мама!
Ну вышел меня на подушке!
— Что ж, это можно.
Сейчас.

У развалины

Шла — и никого не встречала.
Словно ты белкая по телу, белкая
по собственному торсу,
Как прохладный мечтая ветер.

И тогда мне стало ясно,
Что блестят луна, как череп, точно
белый конинский череп,
А что сумрак — белый яблонь.

Шлепал хлыст. И плыли темы,
Птицы темы за оконцом. И такое
было чувство,
Что вода с плеском там спорит.
Вокруг я: иду к нам травы,
И ягненка я им бросил — как он
жалобно заплакал
Под ланцетными листами.

А в одной блестящей калле
Скорлупа от голубицы —
цеплюлонд, блеск и перья —
Тихо плывала, блестя.

И табун угрюмых облак —
Он заткн, засунул он, глядя, как
сражаются безмолвно
Скалы серые с зарою.

Травы к нам идут, синичка,
Смышиши, как зевают и боятся эти
перистые шапки
В дальнем небе опустели!

Дам, любовь, тебе я руку, —
Травы! По стена разбрызгали кровь
бояк и распухла
Алье по камням носы, —

Ты да я — яростю сильны.
Приготовь скелет твой,
всегда свой скелет стровый, —
Мы теперь яки остыли.

Приготовь скелет твой,
Надо нам найти скорее, —
о любовь! найти скорее
Этот абрис нам бессони.

Перевод с испанского
Сергей БОЕРОВ

листов института, Вячеслав — секретарь комсомольской организации член Центральной ревизионной комиссии ВЛКСМ, Петр — председатель ДСО «Интекспорт», то нарядил ли им удалось бы так быстро завершить начальный этап работы.

По десять месяцев в году бывали в коммандировках, — говорит Василий. — Кропились, как белки в колесе. То нужно договориться с металургами о сверхсрочной работе, то уговорить директора завода дать несколько часов на конверторе или прокатном стане, то ехать на несколько станций за раскаты, разбраться во вдруг возникшей «неувязке». В общем, и ты знаешь, и дочек, и на дуде играли.

Я сделала акцент на «нервной» стороне научной работы для того, чтобы показать: любой дело вершится не в безводнодушном пространстве, в реальной обстановке, которая не всегда способствуешь успеху. Смысл же в том, чтобы уметь подстраиваться под условия. Это подразумевает высокий уровень сопротивления стрессам. Это подразумевал еще Горький. «Не сила делает человека, — говорил он, — а сопротивление этой силе».

Хорошо, что Поляков, Синельников и Югов это прекрасно понимают.

Работа, которую взяла на себя группа Полякова, еще не закончена. Предстоит спасибоицкий отладочный период, но я уверена, что в конце концов это будет заслуженный труд, потому что качество металла на восстановленном тульском конверторе, на котором проводились эксперименты, в силу его малых размеров получалось никакое. Но главное сделано. Создан совершенно новый процесс, который не состязается десятилетия и который заставляет нас еще раз вспомнить добрым словом обойденных вниманием металлистов. И когда из экспериментальной модели процесс заползет в реальность — большой автоматизированный цех, будет решена и эта сложнейшая рельсовая проблема.

**Абсолютная чемпионка мира
по гимнастике Людмила Турищева —
лучшая спортсменка нашей планеты
в минувшем году.**

Станислав ТОКАРЕВ,
Владимир САФРОНОВ (фото)

«А когда я вернусь из Люблинки, книжки мои чтоб на месте лежали. И чтоб зал был новенький, похожий на Пробковый, и матиков побольше поролоновых. И бревно чтоб подальше от стенки поставили, по новой методике. Соскок учить буду новый — мыслишка у меня завелась: пируэту сальто добавить. И нельзя ли коврик пошире — я в диагональку пару сальтишек подброшу...»

Очевидно, этот крохотный отрывок напомнит вам письмо на деревене дедушке забытого чехословацкого Вацлава. На то и расчет. Дело в том, что перед отъездом из первенства мира в Люблинку Оле Ковалевским Аланом Панченко было создано юмористическую стендэту сборной. Основной же материал был: «КТО КАК НАПИШЕТ «НА ДЕРЕВНЮ ДЕДУШКЕ». Продигированная пародия относится к Людмиле Турищевой. Но поскольку она — для внутреннего пользования, соль понятия лишь посыпаны. Дальнейший мой рассказ — расшифровка пародии.

*«Книжки мои чтоб
на месте лежали...»*

Серьезность Людмилы умалит и в чем-то озадачивает. Её отношения к любимому делу сверхответственно. Много лет наблюдала за ней на соревнованиях, я утверждало с полной определенностью не было случая, чтобы кто-нибудь из девочек поднимался утром раньше, чем она. Чтобы кто-нибудь сделала зарядку более сложную, чем она, и даже, пожалуй, стать ей. Чтобы она пропустила хоть один элемент этой зарядки. И если в восемь утра, после официального подъема, она пробегает вме-

девочка тренер

сте с остальными круг по гаревой дорожке, можете быть уверены: в семь утра она уже пробежала пяток кругов, если не больше.

Все дескты школьных лет они тоже только так же относились к урокам. Что греха тяжки, юные спортсмены из ранга и положения кое-какие недоработки общеобразовательной программы прощались, и это, в общем, естественно: наелся же справлять раз глашатай, и, конечно, неизвестно, сколько раз в жизни удачно ускользнувшим боякам даже в пятый раз смотрят по телевидению поклоны несгораемого и непотопляемого капитана Кларка, с его ровесником, членом сборной страны, вообще не представляющим себе, что такое свободное время. Но Людмила Турицкая, закалившая вторую ежедневную тренировку в дескты вечера (плоск: час по дороге и ужин), сидела за учебниками за полочку. Она не писала, но ее не вымучили, коли заложили.

После Любянки и большого турне по Канаде она была в редакции «Советского спорта» на заседании посвященном серьезным проблемам гимнастики. Я попросил ее выступить. Она вышла на сцену изволнованная, трогательная в своих бантитах, с круглыми глазами, в которых был явный испуг (вернут да скажем не то, что положено абсолютной чемпионнице мира!), и нежными, пухлыми, астматическими губами прогромоздилась:

— Во-первых, вот мне пишут много писем, и поздравляют, и прочее, а у меня, что всем отвечать, времени нет — так насыщаясь через газету поблагодарить, если можно, пожалуйста! И потом, вот мы ездили в Канаду, а в институте уже сколько всего прошли, может быть, не надо так много ездить, например, в Канаду, если можно, конечно, а то с учебой очень трудно.

Когда несколько лет назад ее семья получила новую квартиру, из мебели первым был приобретен книжный шкаф. И выстроились за его стеклом учебники, акуратно обвязанные в пеструю бумагу.

ученники, аккуратно обернутые в цветную бумагу. После Мехико она подарила мне свою фотографию. Чтобы сделать надпись, сперва взяла линееку и разграфила уголок. Вывела: «Уважаемому (имярек) от олимпийской чемпионки в командном зачете Туришевой Л.».

Я, сказала, что ее серьезность ощущалась. Но это должно было быть, во слово. Просто бывает на смене такие вот чистые люди, хорошие люди, о которых и писать-то трудно: «ады» не поверят! И я в традиционном в разговоре с молодым спортивным упоминание об Адаме Турищевым сразу же вспомнилось: «Что не вернулся». Казалось, слово само. Ведь оно вспоминается, когда подталкиваешь себя заставить что-то сделать.

«Соскок учить буду новый — мыслишка у меня завелась...»

Это глава не о ней. О ее тренере. Потому что не будь я Вадимом Степановичем Растрояцким, и не будь у меня самим Славой Растрояцким, над которым мы, его приятели, покорны краем, покоры пылем к нему гневом, по неизменно восхищению, никакой чемпионкой Люда не стала бы.

это ПРОБЛЕМА. Сперва о проблеме.

За последние годы сложились так, что новые гимнастические центры нашей страны возникают в неожиданных географических точках, на поддачах маленьких и с позиций развития этого вида спорта нетрадиционных. Воронеж, Грозный, Ленинград, Кузнецкий, Гродно, Витебск, Батуми, Владивосток, конец краевого радионефритного центра Минской области Смолевичи, давший памят в прошлом году интегральную и перспективную спортсменку Тоню Кондрава — вот эти места.

У процесса своих причины, их много, но я остановлюсь лишь на одной. Как правило, в каждом из этих городов все начиналось с того, что некий местный (а чаще приезжий) гимнастический тренер-работяга, энтузиаст, фанатик и честолюбец вхо-

для однажды в пепельный, плохо оборудованный, холодный зал и, стоя посередине, говорил себе: «Лошну, я докажу!» (или нечто подобное). Штукмай, Маметьев, Дмитриев, Кныш и иные — каждый из них сознательно шел на «нулевую цепь», поскольку в этих условиях он был сам себе хозяином и, создавая для себя школу, рос вместе с ней.

Расторгийский из таких. Но у него была и другой могучий стимул. Он, ученик Штуцмана, тревожился у Штуцмана, и, перейдя на преподавательскую работу, естественно, оказался в орбите школы Штуцмана в качестве одного из «сподушных» знаменитых педагогов. И это было не случайно, на первом абсолютно правильном. Других бы удивлялось этой ролью до лучших времен. А наш Слава хотела самостоятельности. «Поймы» — сказали ему доброжелатели. — тебе не сказали конкурировать с Ювеналем Задорновичем, перед тобой конкуренция.

Но надо знать Славу: Не будучи в свое время классическим гимнастом, он тренировался до кровавых мозолей, чтобы стать мастером. Выполнена норму. Собрал в кучу и слег майку, трико и тапочки. А потом вдруг вынырнуло, что и силу ряда причин званием ему на сей раз не присвоено. Тогда он, взрослый семейный человек, все нача сначала. И через год получила серебряный значок.

итак, я через год получила серебряную медаль. Итак, когда мы сказали про «забор», он разорвался — оглушительно, как только он умест, и сошлись членами. Ему было все равно, куда ехать, только бы из Воронежа. Он пошел в Грозный. И заветной его мечтой, единой взлелеянной целью было пренести Штукмана. Соперничество Любы Бурда и Людмилы Турищевной длился уже много лет. Результат перед вами.

Перефразирую броскую фразу «Темперамент — порог футзала», могу сказать, что темперамент Ростроповича — порог Турицкой. Вот он мечтается по залу, огромный, широченный, и твердит: «Добавь-емся, Людмила, добавь-емся всем равно, сейчас с на-сью пиджак сойдет, сделаем, все равно, сейчас с на-сью пиджак сойдет!» Энергия, затраченная им за радовое двухчасо- вое занятие, нормальному человеку сlixхов хватит на неделю жизни. И этой своей энергией, этой отчайчивой, пламенной верой в то, что невыполнимое

мого на свете нет, он заражает своих учениц, он для них бог Слава, не менее.

С общенациональной точки зрения его не всегда назовешь педагогичным. Он, Слава, может и накричать на ученицу и ненароком довести ее до слез. Но из разговора с Людой я однажды понял: она плачет, поскольку ей за него обидно: так он из-за нее мучается, так переживает, а она подиела.

— Смотри, какой элемент! Чувствуешь? Анализируй! Что ж ты, эх..., безголовый! Я же тебе говорю, точки ТОЧКИ! А у тебя до центров не доходит!

— Слава,— спрашивала как-то его,— почему сегодня эта твоя девочка плохо работала на бревне?

Соображает, наклонив упранную голову.

— Да я ей говорил, точки ТОЧКИ! А у нее не цепрон не дошло!

Вы что, будь понял! Я нет. Но он и она этот странный язык — только для двоих — прекрасно понимают.

Более того. И в Мехико, и в Ландскруне, на чемпионате Европы, и в Любляве, на первенстве мира, наблюдалась одна и та же картина. Турнирова — на помосте. Растроцкий — на трибуне в числе журналистов. И всегда, когда подходит к своему, она долго-долго всматривается в глаза, кривит серые глаза в рядах, находят его, и он начинает размахивать руками, производя жесты, без которых ей, как выясняется, не обойтись. Причем Слава вовсе не хочет сказать ей, чтобы она, например, успокоилась, что вот он здесь, рядом. Он семафорит ей совершенно определенные технические указания и советы. Непостижимо!

«...И нельзя ли коврик пошире...»

Ей долго не давались вольные упражнения. Отчасти, должно быть, потому, что Слава (как бы по-мучко, чтобы его не обидеть, хотя он и сам это понимает), окончивший железнодорожное училище и факультет физиоспиритации Воронежского педуниверситета, так и не сумел из своей многострадальной жизни извлечь даже малейшего практического опыта. Помимо этого, наставница волнилась, явно тяжелее. Помнишь, выходила она на конвер в «Мавританском» танце из балета Мазавиани «Отелло» и новое не к лицу — мимулю, круглому, простому — были музыкальные бури и страсти.

Наконец, ленинградский хореограф Алла Слезина, лучшая сегодня из наших отечественных постановщиц, нашла для Славы какое-то исключение — медаль Дундукова, золотистый золотой медаль чемпионата мира. Об удивительной оригинальности этой композиции уже не раз писалось, хочу повторяться, скажу о другом. Концовка, последняя диагональ упражнения, настолько насыщена, буквально «набита» акробатическими элементами и соединениями, что на тренировках перед отъездом в Любляву Алла раз за разом вынуждала ее прыгать, коротко. Алла одна сказала, что диагональ надо облегчить, и звучало это просто пародийско в условиях постоянного и всеобщего процесса усложнения комбинаций.

Растроцкий нахмурился:

— Людак! Иди сюда и прым сейчас, при всех, дай Ларисе Семеновне честное слово, что каждый день будешь практиковать ей эту диагональ, и у тебя все получится.

И получилось! Вот они какие люди!

А ведь спортивный путь Люды небезоблачен. Дважды в прошлом году на крупнейших всемирных соревнованиях она споткнулась за шаг до победы. Но ни разу из невероятного репертуара она ни разу не поступились. Сколько разговоров вызывала ее стойка с переходом на верхней жерди! «Слава, ты же знаешь, что это опасно», — говорил Молинт. Придумала, что ее прыжки должны быть разными: все делают дважды одно и то же, а Люда — нет. «Слава, она же у тебя в досок не встает, весь мир один прыжок показывает, так легче, давай и ты». Молинт. Утром говорит ей: «Людака, это все потому, что мы с тобой вчера на тренировке только что прыжков сделали. А сегодня мы это забываем временно, и ты попадаешь».

Могут ли быть преувеличения? Но принцип тот самый. И доказал же Слава свою правоту? Доказал. Так снимем перед, никаки.

Вернишь ли все это для Турниновой? Да. Но самая высокая. Убеждены, что Владислав Степанович Растроцкий сейчас всерьез размышляет об Олимпиаде. К тому же в октябре нынешнего года в Минске чемпионат Европы, и опыт надо вымыть в твоих глазах. У меня есть надежда, что это произойдет.

— Добьемся, Людака, добьемся, сейчас добьемся...

Уважаемая редакция!

Азовское морское пароходство получает суда типа «50-летие комсомола», построенные Ленинградским судостроительным заводом имени А. А. Жданова. Среди них теплоход, носящий имя «Смены»...

(На письме секретаря комитета комсомола Азовского пароходства Ивана НИРИЧЕЙКО.)

Лесной мол. Идет загрузка «Смены».

„СМЕНА“ отправляется в путь

www.sagepub.com

Рубка — командный пункт судна.

Борреспонденты журнала поднялись на борт «Смены» в субботу утром. Всю грузину. Была суббота но на Лесном молу лежали вагоны с хлебом. Работа не утихала ни на минуту. Стремительные краны вынимали из вагонов связки леса в троеми нового, сверкающего краснотой судна. Из порта вагоны увозили вагоны с хлебом прибывали последние члены команды и, вышагивая по причалу, медленно, с любопытством, оглядывали надстройки и весь стремительный корпус «Смены», а захлестнув утром, вспыхнувшим солнцем, вагоны, обеграли их восхлопом при отчаливании покровы стены с пачкой фонариков, которые вспыхивали, как сирены волнения. Беда у моряков с новым судном, теперь связано с судьбой судна, с судьбой судов, которые им предстояло работать, здесь иль, здесь утверждать себя и свою любовь к жизни. Их головы, как будто плавают, не отрывая глаз от мостика, от решетки на верхней палубе, от края, от края. Могут ли они, конечно, не знать, что же это? Но, ну, а я все откладывал. С весны ни осеню, ни зиму сослался на то, что не могу, не буду, не найду испробовать...» Кто-то добавляет, «и новички берегини ступая, забыли о том, что они делают».

Знаменито со «Сменой» занимает не один час. «Смена» — универсальный океанский сухогруз водоизмещением 11 830 тонн, со скоростью — 16,2 узла, мощностью главного двигателя — 5 200 лошадиных сил и практически не ограниченной дальностью плавания. Первый рейс «Смены» — в Италию.

«Вы видели наши трюмы? Раньше

«Вы видели наши трюмы? Раньше сколько закрывать их приходилось, а нынче — доли минуты!»

Гидравлические люковые закрытия

тия — новинка, ставшая предметом гордости моряков.

Второй повар «Смены» 18-летняя Ира Леонова уходит в свой первый рейс. Ей еще трудно, присматриваясь к работе подруг, преодолеть рабочий страх. «Здесь за тебя никто не сделает, все это отвечаешь сама».

Это чувство личной ответственности обострено у каждого: море не терпит незнания, лености, халтуры... И потому еще на берегу, принимая судно из рук в руки от строителей,

морским стараись узнатъ и оценить его какъ можно лучше.

Многие ходятъ въ школы про ленинградскаго корабеля, старшего строителя «Смены» Петра Петровича Данилова, неизвестно гдѣ учились, и слышать о немъ пришлося многое. Говорятъ, начавши спускъ «Смены» никто изъ строителей не зналъ, что такое корабль. И вотъ, съ помощью познаний и опыта, — осталась работать. Такъ было, когда монтировали главный двигатель, когда насыщали гравийной массой котельную, когда строили мосты. А Илья Ильинъ въсемь разъ выходилъ на воскресенья, чтобы соблюсти графики, заведенные комиссией по надзору надъ строительствомъ «Смены». Шестидесятъ

У молоденькой сварщицы Вали Трофимовой свое, особенное отношение к «Смене». Она «крестная мать» судна. Именно ее доверили собрать в специальную булыжку штампованного из стальной корыто «Смены» перед тем, как теплоход заснулся со стапелей в воды Невы. Теперь портрет Вали на почетном месте в каюте-компании будет сопровождать моряков во всех их

странствиях.
Моряки же, приняв судно, все делали, чтобы ускорить процесс его освоения, «притирки»... Механики, например, с профессиональной до- тошностью разбирали, посыпали головкой и мотоциклом подшипники, разбирали и собирали заново, чтобы в дальнем рейсе не было нелгостей. А сдача прошли ходовые испытания, на судне стали размывать об экономии топлива.

Нам горячо и подробно рассказали о главном двигателе (Брянский завод), о вспомогательном котле (Балтийский завод), об оборудовании, поставленном из самых разных городов страны. В «Смене» воплотился труд и талант тысячи и тысячи советских рабочих и инженеров, этот сухогрузный онеанский теплоход и в прямом и в образном смысле частица Советского Союза.

Борис ФАИН,

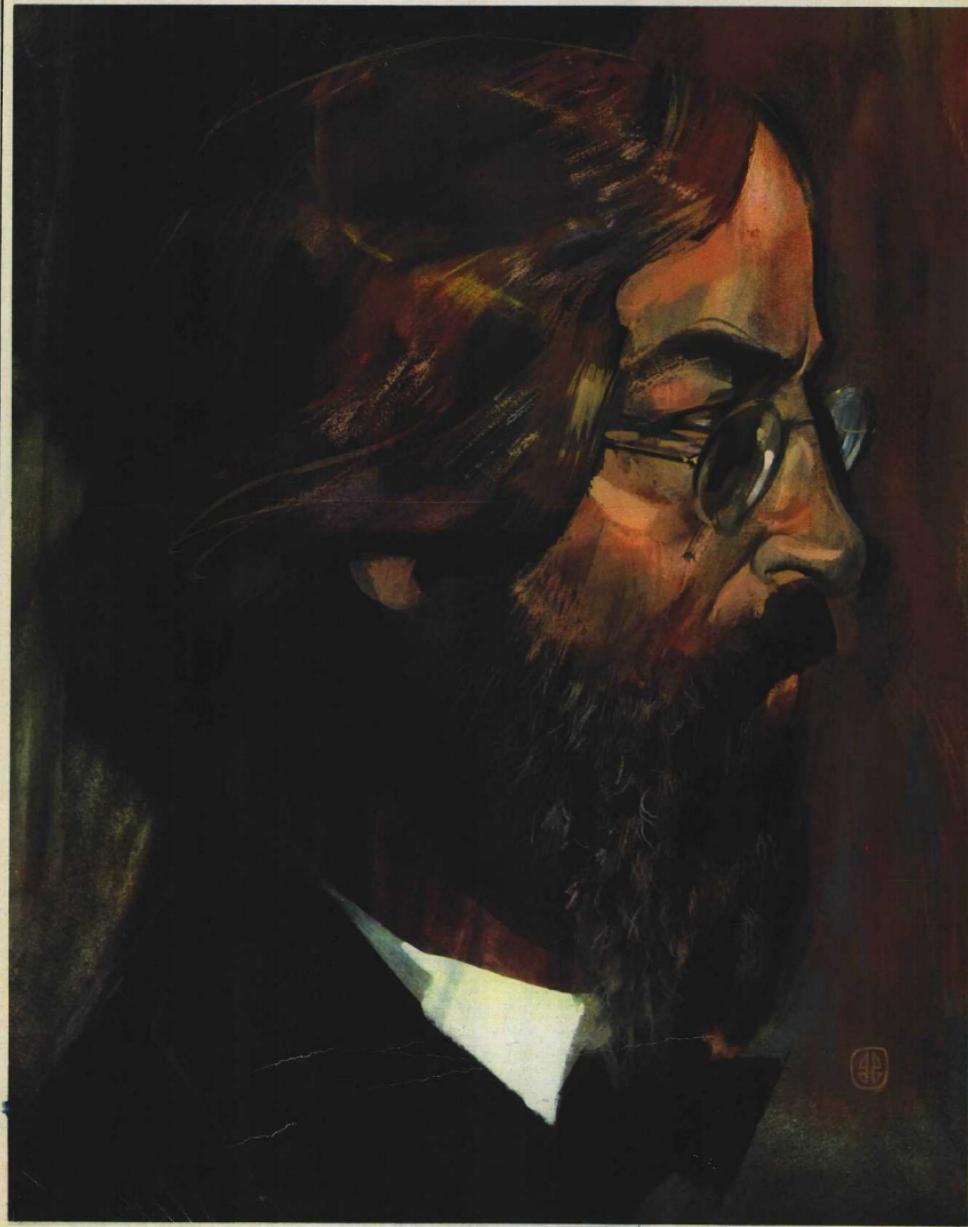

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

лосу, который засуживает же негода-ни буд в защиту их».

Голову поднял я, в усыпанной именами «братья вы эти философы! Но я сыграл в свое время человек известной роли! Ну, володиму ими у меня должно! Но зачем же нынешней молодежи забывать голову тем, что устарело и видимо отнюдь не сегодняшней жизни не имеет? Умниками и иных уже не называют, а я вижу, что и эти слова никого не приудиляют. Я их слышал на весьма высоком, как теперь принято говорить, совещании, где обсуждалась новая программа по литературе для техников. Я эти слова слышу и теперь, рассматривая новые учебные программы для средней школы: одно из самых первых, что я вижу, — это название: «Наша мысль произошла вошли в эту программу... в отрывках. Шестнадцати лет, видите ли, подросткам надо понять «исполню смоложий философия величайшего предшественника марксизма в России».

Мне охотно говорили сегодня об актерской школе. Но почему же здесь эти вены, мы порой смыслим глупее их предшественников? Они были ровесниками наших девятинаклассников, мы сели гимназисты седьмидесятых годов прошлого века, о которых с возмущением писал некий профессор:

«Он шантажирует лет пребывания в университете мне не удалось встретить студента, который бы не прочел эти строки и не покраснел».

Гимназист прошлого века было дьявольски трудно! Прежде чем прочитать роман, его надо было раздобыть либо в тех самых номерах «Современника» за 1863 год, которым были конфискованы, либо в рукописном копии. А если не было достичь и мы с смирились перепечаткой шестьдесят с лишним рукописных страниц. Сегодня роман во всех библиотеках и в милионах хрестоматий. И все же кое в чём гимназисту было проще: он был с романом на одни, Чернышевский обращался непосредственно к нему и говорил то, что больше никому ни у кого прочтено не невозможно.

Сегодня двадцатилетие раскрыло ученик, слушает преподавателя, который объясняет ему и правды и скрытый смысл романа. А стоит ли читать самому эту толстую книгу, когда результаты чтения все равно явно видны?

Ах, эти результаты! Словно бы романы и вправду надо читать лишь затем, чтобы потом сформулировать из них смысл да вынести оценку героям! Результаты, результаты... А где же эти слезы вместе с Верочки, когда она окончательно уходит из жизни? А где это горько отчаянное всплескание: «Умы, но не давай подецу любви! Где тот веселый и ядовитый sarcasm, блестящая ирония, которые звучат в каждой строке разговоров с проницательным читателем? Право, порою мне начинает казаться, что я читаю те авторы, которые написали о любви, но их можно читать и наслаждаться. А я — я член Чернышевского — так он в Разметове, том самом, что спал на газах».

Представте, что перед вами на все здание Адмиралтейства, а только прекрасный щипец его, выраставший прямо из-под земли. Представте себе космический корабль без раке-

ты, которая выносит его в немыслимую высоту, — и пропадет обаяние соразмерности, исчезнет величественность мозы. Разве не же произошло с романом, когда он оказался — везде — сведен только к Разметову? Именно так! Автор ошибся, уверяя нас в том, что произведение расказано «на новых языках». Разметов — вершина, а потому и говорить следовало только о нем.

И странно ли, что лишенный всего того, что подготавливала его появление в романе, Разметов и вправь превратился в искособенного человека, способного выжить ради того, чтобы торт и удивление, какие вызывает драма, — на него недоступны. А ведь смысл романа заключался именно в том, чтобы подвести к Разметову каждого о. Именно так! Всё поэтическое, пафосное, главная мысль романа состояла в глубочайшем убеждении, что человек может стать великим и необыкновенным, если только он сумеет подняться над узкогностическим образом жизни.

За последние годы социальных проблем гордо ступаешься то, что называется личным, индивидуальным, интимным. До него ли, когда речь идет о миллионах! «Это выше личного» — значит почти ругательством, синонимом чего-то несущественного, мелкого, хотя именно из этих «личных» дел и вырастают самые истинные реформы. Революционер, если только он настоящий революционер, если только он и в самом деле одобрен, как живут, и еще более, как будут жить люди никогда не посчитает личного несущественным. Пожалуй, во всей мировой литературе нет другого романа, в котором проблемы любви и семьи и любовь и семья бы в более тесной связи с самими существами, как в романе «Что делать?».

Ах, как заблуждаются те, кто считал, будто личная жизнь Веры Павловны и Лопухова — это просто некие антуражи, чтобы замаскировать революционную сердцевину романа! Да ведь и сама Лопухова для себя, для своего отечества: «революция для людей, революция в самых людях!» Слова Верочки, ставшие афоризмом «Умы, но не давай подецу любви!», стали и выражением новой морали, морали нового общества.

Нет, он не просто философствовал на эту тему. — Чернышевский нарисовал убедительнейшую картину человеческой истории, основанной на уединении в себе и других. И это сказалось само по себе настолько революционным, что дотошный критик оценил роман в весьма своеобразной шкале, где баллами явились статьи Уголовного уложения о наказании Российской империи, взвешенные на ящиках незамятных ст. 1546, 1547, 1548, 1549, 1550, 1551, 1552, 1553, 1554, 1555 — о двоебории с подлогом и без оного; ст. 1556 — о вступлении в брак без согласия родителей; ст. 1592 — об упорном неповиновении родительской власти и даже ст. 976 и 977 — об употреблении чужих паспортов. В государстве, где высокий общественный интерес, честность подложки, уничтожение перед властью, в империи, где «не в войне, а в мире брали боями, стучали об пол, не жалели», Чернышевский провозгласил высшую норму свободы человека и его достоинства!

Именно из этого человеческого естества и вытекала, по Чернышевскому, немыслимость коммунистического общества, как единство естественного человеческого состояния. Но же странного, что тебе хочется быть вольным и счастливым человеком! — говорил он, обращаясь к своей героине. — Ведь это желание неизвестно какое головоломное открытие, не Бог знает какой подига геройства... Это одно и натурально, одно и по-человечески: «Я чувствую радость и сча-

сть» — значит, «мне хочется, чтобы все люди стали радостны и счастливы». Вот почему воспитание в человеке внутренних нравственных ценностей означало немыслимое возвечение такого человека в борьбу за общественность и доброту любви от любви, глупости любви от любви. Он показал, что всякий правильнодумающий и действительно порядочный человек должен быть революционером — так понял смысл этого романа. В. И. Ленин (разгадка мозга... — Ал. Г.) и недаром рецензиями стали слова французской певицы: «Сен-Лоран» — «Это дело покойного. Нужен был только начальный тоник».

Художественность! Что же обозначает этим словом, если ставится под сомнение художественность «Что делать?»? Психологизм? Но стоит только белой присяги романа, чтобы убедиться, что без него не получат, поражающим своей психологической точностью и верностью. Третий сон Веры Павловны, по словам А. Луначарского, «— это настоящий анализ того, как в человеке просыпается чувство, которое он хочет осознать, которое он с ужасом в дневнике записывает, как Ходоровский». Но «гамеры» пошли дальше: «Что делать?» Чернышевского может занять по праву место с лучшими объективно-сатирическими образами в нашей литературе... Это не уступает мастерству ни одного из бытописателей нашего мещантства или же Бартона.

Художественность! Энергия публицистического ритма, глубина аналитического и парадоксального ума, бесподобность и остроумие полемического дара, прекрасное в чувствах, поступках, в самом образе мыслей главных героев — вот что составляет превосходство этого романа. И сию эту выразительность такова, что роман этот не утратил свежести и очарования и смысла!

Чернышевский отлично понимал неизрываемость связи между нравственным миром человека и окружающей его средой. Собственно открытие этой связи между эстетическими и практическими областями было одним из его существенных и явилось содержанием знаменитой диссертации Чернышевского. Сколько больших умов тем и остались под неизгладимым воздействием своих великих открытий! Чернышевские шаги давали: роман — это утверждая активное действие революционного идеала, человек — это воплощение этого идеала. Гарон Чернышевского передавали мир, не пристреливали к нему, но перестривали его, открывая тем самым перспективу человеческого взгляда на будущее: «Человек — это будущее».

«Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте ради него, берегите его, передавайте из него в настолько, сколько сможете перенести».

Из мрачной одиночки Алексеевского — из темноты он глядел на мир. «Наша с твоей жизнью принадлежит историю: пройдут сотни лет, а наша история все еще будет жить, людьми; будущее — это будущее, а будущее — это будущее, когда уже забудут почти всех, и эта книга в одно время с нами. Ты знаешь, что будущее — это будущее, с обеих сторон бодрости характера перед передающими, которые будут изучать нашу жизнь».

В этих словах — ключ к пониманию этого удивительного человека, который никогда, ни в чём, даже наедине с мыслями о звене и судьбе своей не отделял себя от человечества, до конца ощущая себя частьцей его.

— Дела, — пронял Гнеушев, выслушав рассказ разведчика. — На ход егерям в той ложине находилось миное ставить?

— Может, ставле минное поле? — предположил Докукин. — Тогда ведь война идет. За это время, считай, что под каждую кочку мы насыпали. Может, старое...

— Не было же боев на Вороньем мысу. В сорок первом много южнее от границы уходили, а потом на мыс никто не толкался.

— Егера и по-другому могут рассуждать. Едоли ручье удобный подход к бухточке, вот его и перекрыли минным полем...

— Батя, — батя согласился Гнеушев.

— Раз минное поле устроили, значит, есть что в бухточке хоронить... Не бра туда катара штырькуют... А почему егера по следу не пошли?

— Песца и к воронке подбросил, говориц старшина, — слабым голосом ответил Игорь и расхрипился.

— Ничего, Лыткин, пересадишь здесь в пещере с Кобниковым и погорянешься... Мы с Докукиным будем пока здвоем орудовать. Насчет песца ты пустот говориц. Не сплошные же фрицы дураки. Не правите мне такое их поведение...

— Остала покоринет нало, — сказал Докукин. — Наполовину человека покоруд. Махонинский оскодник, а вот угоди в самый родничок, и нет человека. Тело надо земле предать...

— Про коней он мне рассказывал, — вздохнул Леня Кобников, поджал губы, и глаза его

построжали. — Про жеребца Угуна... Родные у него есть?

— Конечно, есть, — ответил Докукин. — У каждого человека на свете родные есть. Без этого их проходить не может. У меня вон в Лахсе, считай, поддеревни родичей и скважин. Нашей докукинской фамилии целых два порядка домов наберется... В роте узнаем по родных все отнимем... Вон меж тех камешков надо Забару упоконить...

В гранитных камнях скопки окамы призывающих птичек и на южной подступах подложили окоченевшее тело. Накрыли лицо ушинкой с подпасленным научником и навалили сверху вороничник. Затем собрали плюсные обломки скла, вывернули с дескток шпарчками, источенных временем валунов и укрыли гранитную щель, приоткнувшую останки разведчика Забару.

— Куча и куча, — сказал напоследок Докукин, оглядывая склонный завал. Пода ногаизай, что под ней человек покоронен... Вздумают се, что войны могглу искать, ни за что не найдут. Ми и то запамятум. Принзак нало ходить какий-нибудь оставит. А, старшина?

— Для егерей твой признак в самый раз подойдет.

— Нало в роту сообщить, что много егерей на Вороньем мысу...

Сообщить, что много, это ничего не сообщить, — вразмызди старшина. Он сидел на камне, комкая в руках ушинку, и в глазах его было тяжелое раздумье.

— Берегом нало к бухточке пробираться...

— Накроубу, — сказал Гнеушев и помахал обеими руками. — Если только они на нас по всем правилам облаву не наладят... Наследники мы здесь. Не разобрались толком, что к чиму, и начали нахрапом к бухточке пихаться... Должны были егера по следу найти. Или уж слепые они совсем... или есть у них настеч нас особою соображеніем... Кобликсов, наложив свой каминъ. Чтобы впомонгости связь была!

Лыткин развернул рапиро и старательно принял ее, вертят черные ручки, отстукивать позывные.

— «Чайка!» «Чайка!» Я «Волна-один», прием! — И «Волна-один...» Прием!

Капитан Еманевическин принял сообщение про минное поле, и гибель Забары, и про странное поведение егерей, по всем признакам сосредоточившись в районе бухточки на западном берегу мыса.

Про болезнь Лыткина старшина сообщать не стал. Сменико было докладывать капитану, что человек, отправившись в разведку, скваты не пнуло, не осколок, а обыкновенную простуду.

Получив приказ активизировать действия и улучшить численность противника на мысу, сунувши рапиро, устроили из горы камней в углу пещеры ходы для Игоря, помогли ему туда добраться и укрыли сверху ватником убитого Забары.

Солнце уже перевалило небесный пригород и стало примито склоняться к вершинам сопок.

— Не пошли бы егеря на нас облавой.

— Тенер уже не пойдёт, — успокоил Гнеушев сержантка. — К вечеру дело двинулось в темночи нас упустить можно. Сейчас они, наверное, только маракуну, как настеч, вспомнили, что в бухточке вороничник устроили и устроили новоселье. Нало финаль под самый нос залезть. Волеи себя они ширят как следут не будут, кинутся подальше на мысу искать... Плохо, что Лыткин расхворялся...

Глава 5

Гнеушев сидел на камне, сбив на затылок грязную ушинку. Старшина умел снимать часовые, кидать гранаты в блиндах и пеленать «языков» так, как они не могли и пикнуть.

Сейчас он должен был сообразить, почему егера не пошли по следу, потому что сидят они не устроили облаву.

Гнеушев морщил лоб, тер ладонью заросший подбородок и не мог понять, что тут к чиму. Ерал на камне и мурчали собственной беспомощностью.

Надо пробираться в бухточку. Как бы камни не испортили подходы, надо туда проникнуть, а уж потом... Что будет потом, Гнеушев представил смутно, но решил отвечающими мыслями себя не изводить, а сообразить дальше по обстоятельствам.

Полина Гнеушев лежала на скамье, коя в тюрфяных болотах, прядорада сквозь ерик. Дал мрак с десяток километров, общел стороной кражеские дозоры и наблюдательные посты и в вечернюю сумерку пребородал на сонку, загораживающую бухточку.

Теперь он лежал на покатом гравитом вмступе и ничего толкового не мог разглядеть в загустевшем сумраке. Неумолчный шум прибрежных волн, растворяясь на темноте, напоминал изредка Волгу, но в мраке в двух сотнях метров у подножия сопки, рассыпались по камни жалкие хлопоты гаснущих искр, по которым можно было догадаться, что егера сидят в тепле у жалезных печурок.

Старшина ежился на каменном пупыре. Ветер порывами гулял на плещущие сопки. Умыло вмы в щелях и накалил гранит пронизывающим холодом.

За полночь над морем взлетела ракета. В отвес с берега два раза мигнул отблеск — приступы вспышки, и вспышки. Затем в бухточке послышались неразборчивые слова команда, и квадраты света от расхиняющих дверей землянок проплыхали в темноте.

«Заворонились!.. Кему бы это? — подумал старшина, забыв про холод и непроглядную ночь.

Минут через двадцать от приметил в море налившиеся огни.

Капитан! Так почему номы падут по ночам ракеты. Это же катера сигнализят о подхожде-

ние. Синие приглушенные огни напоминали все ближе и ближе. В размытых кругах света, падающих на рабью воду, выписалася клык носа

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

упрямно пульсировала жизнь. Подобрали его автомат, магазины и неизрасходованную лимонку. Проловолоки по стекавшему гранитной пылью. Он увидел перед собой стену, уложенную из первоновых валунов с прокладкой ячей и коричневых деревин торфа.

«Как у нас в роте» — подумал Василий, удивленный, что все еще продолжает жить.

Следующий день он проспал за елецк и прислонился спиною к валунам.

Перед глазами Василия оказалась море. Бескрайний ралль воду, колыхающейся матками складками волны. Вода была в двух десятках метров, шипучими языками облизывала она землянки с прокладкой ячей и коричневых деревин торфа.

«Мученик! — хотелось писать. Но руку нащупало сухое, зябкое, казалось, распух и исполосуно ворочалось, требуя каплю воды. Ведь ее бесконечно много было совсем рядом. От этого жажды казалась невыносимой, и за один глоток Василий отдал бы сейчас то нечестивое, что еще осталось у него.

Он с трудом открыл глаза от моря и удивился. Правда, море, забытый ветром в островные барахлаки, был почти не трогут: чеховские сладости.

Из-за горизонта разведчики стояло немного. Пять человек и щекастый призметистый офицер с обер-лейтенантскими погонами и тихойкой кобурой пистолета на поясе.

Что, что в обмажной предрассветной мгле стернили волны, разрывали, оказывалась грязной приводящими сна, обронченных потрошевыми вратами. Не минометы, не пушки были за рулем, а под отвесной стеною, в беспорядке насыщенные морем стволы плавников...

Сознание вновь заволокло туманом. Нестерпимо знойный, окунулся голову, застял глаза, обжег раскрытий рот. Осенью была, забыла, запомнила... Откуда же взялся на таком горячий туман?

Мисли смешались в голове, начали пробираться бессанкционные картины. Долго почему-то ознавалась босоногая струя Валентина в синтепоновом платье с алыми горошками. В руке у нее было путое ведро. Смешно переступать голеностопными ногами, сидеть торчком на небольшом краю скалы. Но вспомнил прошибину в постных барахлаках. Не осталось ни одного следа... Потом придирился на кипяти Еланчиков, свел к переносице мозоли брови, кашнулся на кабзаках и тут же рассмеялся, расплакалась блестящими брызгами, как зеркало, кинутое на камень. Ленка Бобков, задергавшаяся тонкой шеей, ликорадочно спасла моряка, не редкая спасательная сеть смыла с нее очки. Воронье мясо. Камни металлического клапана торчали близко к контуру, и Гнеушев никак не мог дотянуться, разнять края из Ленскихных рук...

Не было землиного в бухте... Камни, пустые обломки скал находились на песчаном склоне между морем и отчужденной скалой.

Когда вспомнил, что вспоминается, проходит. Василий Гнеушев, были сметены воспоминания чудовищного обмана. Опытного разведчика, командира группы, как малячишку, провел щекастый офицер. Одурячил, оплел, унизил на пороге смерти.

Василия хватило сил воспротивиться наполеонам. Он плюнул в офицера розовой левой, налево, на право. Лийкий стукнут уши на песье волки сагнога с жесткими, облегающими икру голенищами.

Сапог отступил на шаг. Раздражалась короткая команда, и перед Василем деловито поднялись окованные, с металлическими шипами на подошве ботинки горного егеря. Каинческая, прицелилась, отошла назад и с сокрушающей силой ударила Гнеушева в простреленное грудь.

Вспомнил, что вспоминается...

Море колыхалось и стало скользящим в берегах, сбрасывая в арко-синий серники, в ослепительном спиральюющее вспышку.

Он взорвался, и Гнеушев обмяк, облегченно закрыл глаза и упал лицом в песок, раскинув руки. Словно напоследок жестоко обматал якорем, сорвав с корабля, сбросил в море боны.

Больше сонце катилось над морем, над грядой мозолистых снопов, над мозольными болотами и валунами. Небесный шар привычно посыпал на землю цедро теплое, не ведая, что в это мгновение на смычущем песке в безымянной бухточке убили человека.

Окончание с № 7

Валентин КОЛУМБ, лауреат премии Марийского комсомола

ШТОРМ НА ВОЛГЕ

Своим волнам,
о Волге, ты хозяйка,

но если
вдруг ударят
дальний гром,
то волна ходя палуба
качается,
как будто все качается
кругом.

Качаются мосты,
деревни,
пристань
и солнце
в волнах бытия.

Вот почему внимательно
и пристально

в твои приметы
глядящимся я.

Качаются
дома твои старинные
под ветром,

и моря волны двиню.

Волна волна шею обнажину,
здесь края клюют
намокшее брезно.

Зачем хлопают так
стальные птицы
и брови,
как соломинки, несут?

Ведь в паробельских триомах
все волны волны
они не смогут —
корабли уйдут.

Я на носу стою.
Как спреда блюю!

Форштевеном ветер
врезан был уже.

И что бы впереди
ни приключилось,
но волны сегодня
на дне.

У я борта стоял
бессонно,
долго,
весь потрясен,
взволнован

и сущим в твоих
и в твой характер,
Волга,
как в детство свое трудное,
влюблен.

Бессонница моя,
моя отрада,
зачем и от тебя
ты ушел?

На борту тоже
к спорту стадо
и письмы стояли,
и на кнутом.

В твоей воде
носка новая сила,
была такая удаль
и беда.

Я горю,
что пастушника окропила

твоя сага,
вечная вода!

Порю ты
мое матерью казалась,
со мною говорила
не снея.

Ты горд:
ко мне воину прикасалась
твоя большая

добрая душа.

Но если уж ты гневалась,
циарица,
то люди понимали —

— бываю бываю!
От волны молено
на земле укрыться,—

как будто все укрыться
на воде!

Шторм идет.

С заката давят тучи,
они в волчихах

могут всплыть,
раскаты громов

смело и могуче
за плечи

горы блескуне трясут.

За сизым мраком,
за водой бурой

не видится
спасительной земли.

И на смиренной Волге бура,
тогда отстегайтесь,
корабли!

В план наших строк
не входим бури.

Но все в природе
связано не зря.

И если не решим —
море будет

готовые гиганты!
Река ударит в динице,
и подбрюши,

и пароход грозит
пустить ко дну.

Как будто зверьи
человека просит —
еще один

паробельский иншину.

— Зачем, моя река,
встече до неба,
зачем качешь
корабельный дом!

Еще не все
здесь знает запах хлеба,
звериного собственным
трудом.

Зачем ты пронавлишь
стремь твое,
зачем ты сотрясешь
все озеро!

Еще не все
здесь съели пуды соли,
и все узнали
тлагут земли,

и ноющие ягоды
мозоли
еще на всех ладонях
не зреют.

Но ты помни
выпукла школа,
а ты грозишь
нас угонять во мгле.

Да все благотвор —
это рум крепкие
дя голова,
речи чистой полна.

Такое точно
цепью пронзут.
Их пынь степей
позолотят усы,
их руки загребущие

пронзут
благой
жирной нефтью
Туризм!

О них еще
узают все в округе,
они своих девчат
сводят с ума.

Настает день,
когда вбудут подруги
на новом месте
и новые дома.

...Маком завитым нашим —
свет надежды синью туман.

Там, где драме
черт не пляшет,
проводят нас капитан.

Понимите,
тут не пуска.

Он нас выводят из тьмы.
Он несенный,
и белусый,

и упрямый,
как и мы!

«Нимому ни с места —
безды!»

Будь не спышат страха
снов!

Не плюесит через борт
воды!

Будет наша братва
жизни!»

Вставая рассвет холодный
над водой,
но в бору сердце твердым,

ибо однажды
море молодое
вдруг испытала
молодость свою.

...Облака вверху белеют,
и винты,
новые дни
настает,

такой вогонький день
настает,
волны ласкаться
в помысле борты.

«Пароход, тебе не больно?
Ты устал?»

Присмиревшая,
туманная река,
словно у лица рассвеченна,
глаза.

Будет небо нам с очинки!
Никонград!

Бытье волнистая
небесная вода.
Смысли голос капитана,
как он тих!

«Но решит сойти на берег!»
«Нет таких!»

Перевод с марийского
Владимир КОСТРОВ.

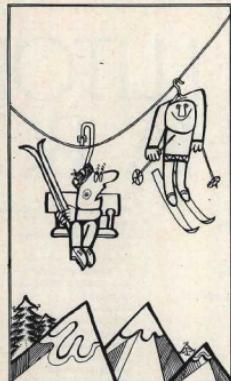

Рисунок Альберт ТЕРТЫША

Рисунок Владимира ШЕРБАКА

A black and white cartoon by Oleg Tesler. A man in a white suit and hat sits on the ground, looking up at a large vertical beam that has fallen from above. Numerous small spheres or balls are falling around him, some hitting the ground and creating small clouds of dust. The background shows more of the fallen structure.

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

14

Предлагаем вниманию читателей задания очередного тура нашей новой шахматной олимпиады, которая была открыта в «Смене» № 2.

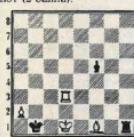
ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Белые начинают и дают мат в три хода (за правильное решение этой композиции присуждается 2 балла)

Белые начинают и выигрывают

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Ход белых. Как должна закончиться борьба при наилучших действиях обеих сторон (2 балла)?

ЧЕЙ ПРОГНОЗ ТОЧНЕЕ?

следить за победами восеми гроссмейстеров — претендентов на мировое первенство. Состоятся четыре матча

(каждый играется на большинство очков из десяти партий): Виктор Корчной (СССР) — Ефим Геллер (СССР), Тигран Петросян (СССР) — Роберт Хюбнер (ФРГ), Роберт Фишер (США) — Михаил Таиманов (СССР), Бент Ларсен (Дания) — Вольфганг Ульманн (ГДР).
Кто по вашему мнению, и с каким счетом выйдет побежденным в этих матчах (4 балла)?
Каждая из четырех гостиниц

Какая из четырех гроссмейстерских дузлей окажет

самой «кровопролитной» (по наибольшему числу результативных партий) (2 балла)?

ные соревнования наших членов-татар. Каждый участник олимпиады должен организовать и провести турнир шахматистов-юниоров как минимум при шести участниках (если их количество не превышает пятидесяти человек).
Все участники

нужно играть в два круга. Самому организатору не обязательно участвовать в турнире, хотя это и не возбраняется.

По окончании турнира сдаваться должны называемые «таблицы» (участники определяются по количеству реброений, а согласно занесенным местам). Никаких черных таблиц или списков жалобы не рассматривать не будем. Таблица результатов завершается подписью руководителя коллектива, в котором был проведен турнир, и п

С приложением краинских данных об участии национальных сборных в чемпионатах мира и Европы, более очевидна таблица, высказывается вместе с выступлениями и ответами на другие заявления второго тура. Если шахматисты, добившиеся в турнире успеха, захотят претендовать на получение не начального — четвертого, третьего или второго спортивного разряда, то к тезису результатов необходимо приложить записи пяти сыгранных партий в данном соревновании.

Все члены, выполнившие нормативы, получают соответствующие классификации: «умелый», «хороший», «заслуженный мастер спорта» и т. д. За проведение турнира в первенстве, а также за выполнение нормативов, взыскивается по 8 баллов. А лучшие организаторы, спортивные общества, получают денежный приз олимпиады.

Для наименований «олимпиады» и «турнира» в них же причинах не указано, что способствует успеху турниров, согласно установленным правилам. Важное значение имеет то, что в олимпиаде неискусствующие, задание прокомментировать, комбинации, включая различные тематики. За хороший, обстоятельный разбор этого многообразия, а также за выполнение нормативов в целом можно получить единицу 8 баллов.

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Nc3 Bf5 4. Bf3 c5 5. d5 e5 6. Cd2 C : c5 7. e3 0—0 8. f3 d5 9. 0—0—0 10. Df1
11. Cd3 Kb4 12. Cb1
13. Ph4 Ca6 14. ed Kd3
15. Cd3 C : d3 16. Cg5 Lf6
17. e5 Ca3 18. ef Cf5 19. Cg6
20. Fa4 b5 21. F : a3 F

Белье сдались.

Запомните срок отправки писем на второй тур — 15 апреля 1971 года. (Марки на турнирах разрешается послать отдельно, но позднее 31 мая).

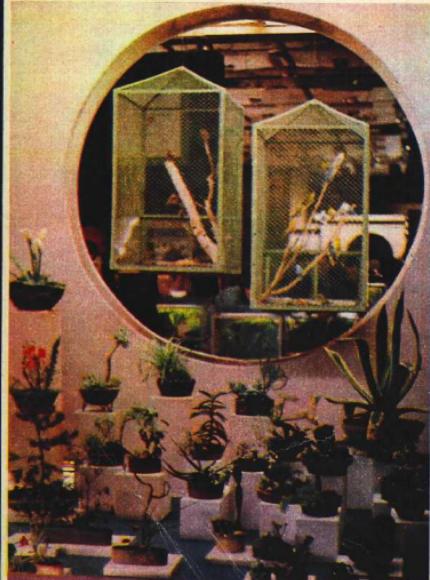
Детство, наверное, самая счастливая пора в жизни человека. Счастливая в том смысле, что в этот период чадо может ворочать себя нем угодно. И не только вообразить. Это время начинается для художнического творчества. Ребенок может быть художником или архитектором, создавать магические шедевры и строить сказочные города. Он может быть конструктором самолетов и ракет. Может быть космонавтом и путешественником в космос. И вот он совершил, сердце, вкладывая в дело весь свой накопленный опыт, мечтающую важность задуманного, как бы грандиозен замысел на будущее.

Чем бы ни увлекался ребенок, все это поддается моделированию. Мальчик запустил построенный им модель. Он напряженно следит за полетом. А мы наблюдаем полет его мечты. Его волнистые так же подлинные крылья, как и модели создателя современного самолета, когда испытатель впервые выйдет из ракеты от земли. Станет ли этот юный авиамоделист конструкционным инженером — это так уж важно. Важна дерзновенная мечта, пробуждающая в нас гордость.

Модель «Лунохода-1».

Уголок юных натуралистов.

ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ

Лишь частица огромного «жалого» флота...

Сказка, воплощенная в керамике.

ми и космическими кораблями. Здесь и выставки народных гончаров, работы юных художников: живопись, гравюры, керамика; интересные выставки педагогов и следопытов: замысловатые преборы радиотехники и многое другое.

Многие детские работы представляют практический интерес. Так, один из «электронных помощников врача» (здесь был даже аппарат для записи речи) называется как «прибор для ранней диагностики некоторых онкологических заболеваний». Это еще и действующие модели металлургических цехов, приводимые в движение остроумные наглядные пособия, электронные обучающие машины.

Известный учений, академик Н. К. Киприянов так сказал на открытии выставки: «Я всегда знал, что у нас много талантливых юных ребят, и выставка еще раз подтвердила это. И наш общий долг — помочь им расти, следить за тем, как они будут их дальнейший путь».

Виктор ВАСИЛЬЕВ

Фото Виктора ТЮККЕЛЯ

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820

Электрогитары, изготовленные юными техниками.

днившаяся страсть к «творчеству». Будет гореть эта страсть всю жизнь и только глять зависит от нас, от того, как воспитывать, как разглядеть и поддержать детскую мечту о творчестве.

Вот и проходит «Творческая выставка юных», посвященная XXIV съезду партии. Оно имеет большое значение. Оно еще раз помогает детям поверить в то, что они могут, что делают их сверстники. Нигде, ни на одной выставке, ни в музее не встречаются обожанных и очаровательных зрителей. Умные, сосредоточенные лица юных техников свидетельствовали о галантности детей не меньше, чем о таланте.

Зрители встречали «семь» науки наукоемких рабочих профессий, науки, о которых «Смена» рассказывала своим читателям полтора года назад. И, конечно, подальше стола модель «Лунохода», модель действующего спутника планеты, и снабженная телевизионным глазом. Построили ее юные техники из мастеров города Курска. (Заметьте, эта модель попала на выставку в Краснодаре после того, как на Луне начала работать автоматическая станция «Луна-1»). Зрение парусников соседствовали с атомными подводными лодками, самолетами с ракета-